

С Т И В Е Н П Р О Т Е Р О

ВОСЕМЬ РЕЛИГИЙ, КОТОРЫЕ ПРАВЯТ МИРОМ

ВСЕ ОБ ИХ СОПЕРНИЧЕСТВЕ, СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ

استان

Даосизм религия йоруба

конфуцианство БУДДИЗМ ИУДАИЗМ

ИНДУИЗМ ХРИСТИАНСТВО

А Т Е И З М

Великие мировые религии такие, какие они есть
на самом деле – во всех их бесславии и славе.

Религия. История Бога

Стивен Протеро

**Восемь религий, которые правят
миром. Все об их соперничестве,
сходстве и различиях**

«ЭКСМО»

2010

Протеро С.

Восемь религий, которые правят миром. Все об их соперничестве, сходстве и различиях / С. Протеро — «Эксмо», 2010 — (Религия. История Бога)

ISBN 978-5-699-64195-6

В этой книге представлены крупнейшие религии мира: иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, религия йоруба, а также дополнительная глава об атеизме, такие, какие они есть на самом деле, – во всех их славе и бесславии. Вы узнаете, из чего выросли религии, покоровшие миллионы людей; что обещают человеку великие религии мира и чего они требуют взамен; какие проблемы человека реально решает та или иная религия; что происходит на современном глобальном религиозном рынке сегодня; как религия может превратиться в одну из величайших сил зла в истории. Стивен Протеро – не только признанный специалист по религиоведению, но и мастер слова, поэтому «Восемь религий...» – это и компетентное изложение основных идей, практик и ценностей великих религий, и увлекательный остроумный рассказ о человеческих поисках Бога и стремлении стать совершеннее в прошлом и настоящем.

ISBN 978-5-699-64195-6

© Протеро С., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

От автора	6
Примечания по датам и диакритическим знакам	7
Вступление: Бог не один	8
Аллергия на дискуссии	10
Мнимый плюрализм	11
Религия имеет значение	13
Токсин и тоник	14
Коянискаци	16
Разные проблемы, разные цели	18
«Великий» – не обязательно «хороший»	20
Величайшая из религий	21
Спорт и спасение	23
Насущные вопросы	25
Глава 1	27
Намаз	29
Пять столпов веры	32
Джихад	34
Аллах	36
Мухаммад	37
Коран	39
Шариат	45
Сунниты и шииты	47
Исламизм	49
Прогрессивные и умеренные мусульмане	51
Суфизм в трезвости и во хмелю	53
Глава 2	57
Умеренный монотеизм и Троица	60
Иисус (трилогия)	61
2,2 миллиарда спасенных	64
Протестантская Реформация	66
Лютеране, кальвинисты, англикане и анабаптисты	68
Протестантская и католическая вселенная	69
Мормонизм	71
Век евангеличества	73
Век пятидесятничества	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Стивен Протеро
Восемь религий, которые
правят миром: Все об их
соперничестве, сходстве и различиях

Stephen Prothero

God Is Not One

THE EIGHT RIVAL RELIGIONS
THAT RUN THE WORLD – AND WHY
THEIR DIFFERENCES MATTER

Harper One

An Imprint of HarperCollins Publishers

الله
Даосизм религия йоруба
КОНФУЦИАНСТВО БУДДИЗМ ИУДАИЗМ
ИНДУИЗМ ХРИСТИАНСТВО
А Т Е И З М

Перевод с английского *Ульяны Сапциной*
Оформление обложки *Петра Петрова*

© Stephen Prothero, 2010

First published by HarperOne, an Imprint of HarperCollins Publishers Translation rights by
Sandra Dijkstra Literary Agency

© Сапцина У.В., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

От автора

Эта книга появилась благодаря великодушию моих коллег, трудам других ученых, поддержке друзей и родных, провокационным вопросам студентов.

В Бостонском университете мне была обеспечена поддержка главы кафедры Диэны Клеппер и деканов Джеффри Хендерсона и Вирджинии Сапиро. Более десяти студентов старших курсов, изучивших в Бостонском университете религиоведение и теологию, поделились со мной опытом. Коллеги по университету помогали работе продвигаться, устраивая вместе со мной «мозговые штурмы», читая отдельные главы, отвечая на письма с экстренными просьбами проверить эту фразу или ту дату: это Кесиа Али, Нэнси Аммермен, Дэвид Эккел, Пола Фредриксен, Донна Фрейтас, Скотт Герднер, Кэтрин Хьюдак, Джонатан Клаванс, Дженнифер Наст, Фрэнк Кором, Кристофер Лерих, Роберт Хефнер, Том Майкл, Дана Роберт, Адам Селигмен, Онадже Вудбайн, Уэсли Уайлдмен и Майкл Занк. Джон Бертронг и Дайана Лобел проявили поразительное великодушие, подготовив комментарии по нескольким главам и продолжая подбадривать меня во время работы.

За пределами моего родного университета помощь мне оказывали Джун Ан, Хэзер Бернс, Дэвид Чеппелл, Ивонна Ширё, Лесли Кушинг, Ивонна Дэниэл, Элис Фрэнк, Джорджия Фрэнк, Сет Хэнди, Ли Хохмен, Пол Джонсон, Эшли Макар, Кэтрин Макклаймонд, Джозеф Мерфи, Джейкоб Олугона, Роберт Росс, Нора Рабел, Кен Сербин, Кристин Свенсон, Роберт Фэррис Томпсон, Скотт Гумма, Роберт Термен, Томас Туид, Дункан Уильямс, Джефф Уилсон, Лорен Уиннер.

Благодарю также Николаса Хагдео и Дэвида Нойхауса – и тот, и другой показали мне свой Иерусалим, а с помощью Лаоде Архэма и Меган Хинсон я побывал в домах мусульман на Яве и индуистов на Бали.

Как всегда, я чрезвычайно признателен моему замечательному литературному агенту Сэнди Диджкстра, а также трудолюбивым сотрудникам агентства *Sandra Dijkstra Literary Agency*. В издательстве HarperOne мой издатель Марк Таубер и мой рекламный агент Джули Бертон доказали, что являются первоклассными мастерами своего дела, как и мой неутомимый редактор Роджер Фрит, предоставивший замечательную референтную группу по этому проекту на всех стадиях – от предложения до публикации и так далее.

Вдобавок мне необычайно повезло иметь двух дочерей, прекрасно изображающих интерес к моей работе.

И наконец, мне следует поблагодарить моих студентов, которым и посвящена эта книга. Некоторые, например, обладатель множества талантов Шари Рабин, втягивали меня в стимулирующие дискуссии по этому проекту. Другие направляли мои мысли менее очевидными, но не менее эффективными средствами, в том числе с любопытством расспрашивая о великих религиях мира. Мои студенты – мусульмане и христиане, конфуцианцы, индуисты и неверующие. Они исповедуют буддизм, религию йоруба, иудаизм и даосизм. Поэтому они стали для меня целой лабораторией религиозных различий и моделью мирного существования приверженцев соперничающих религий.

Процесс преподавания и учебы я воспринимаю как диалог, а диалог – как провокацию. С удовольствием сообщаю, что диалоги моих студентов со мной и друг с другом в аудитории все эти годы представляли собой лучшие провокации, каких только может пожелать преподаватель. Но больше всего я благодарен студентам за важные вопросы – из тех, исчерпать которые не под силу ни одной книге, ни одной религии.

Примечания по датам и диакритическим знакам

В научной литературе, посвященной религии, часто используются диакритические знаки, указывающие, как то или иное слово произносится на санскрите или другом сакральном языке. По сути дела, наличие диакритики – признак добросовестности научного подхода. Но для большинства читателей диакритические знаки – та же китайская грамота (какая разница, бревик здесь или седиль?), поэтому я отказался от них во всех случаях, кроме прямого цитирования, имен собственных и ссылок на источники. Если диакритический знак над или под латинской буквой «s» указывает, что она произносится, как «sh», тогда здесь этот звук передан как «sh», то есть имя индуистского бога Шива записано как «Shiva», а не «Śiva», цель в индуизме, мокша, – как «moksha», а не «mokṣa». Диакритические знаки зачастую оказываются препятствием для интеграции нехристианских религиозных терминов в английский язык – препятствием из тех, которые лучше разрушать, чем надстраивать. Одна из причин, по которым санскритское слово «nirvāṇa» вошло в словари английского языка, – возможность отбросить макрон над «a» и точку под «n». А индуистские эпосы Mahābhārata и Rāmāyaṇa нашли путь к широкому кругу англоязычных читателей уже без соответствующих циркумфлексов.

Как правило, религиоведы также помечают даты сокращениями «н. э.» («нашей/новой эры») или «до н. э.» («до нашей/новой эры») в стремлении отойти от явно христианского характера таких сокращений, как «от Р.Х.» («от Рождества Христова») и «до Р.Х.» («до Рождества Христова»). Это уловка, так как даты по-прежнему продолжают указывать на связь событий с жизнью Иисуса независимо от того, когда происходили эти события – в н. э. или после Р. Х. Но поскольку употребление сокращений «от Р.Х.» и «до Р.Х.» косвенным образом подразумевают веру в Иисуса как «Господа» и «Христа», здесь я пользуюсь

сокращениями «н. э.» и «до н. э.» У мусульман свое летоисчисление, начинающееся от Хиджры («переселения» или «бегства») Мухаммада из Мекки в Медину в 622 году н. э. Следовательно, данная книга впервые издана в 2010 году н. э., а также в 1431 году от Хиджры.

Вступление: Бог не один

Аллергия на дискуссии (с. 14) Мнимый плюрализм (с. 15) • Религия имеет значение (с. 17) • Токсин и тоник (с. 19) • Коянискаци (с. 22) • Разные проблемы, разные цели (с.24) • «Великий» – не обязательно «хороший» (с. 27) • Величайшая из религий (с. 28) • Спорт и спасение (с. 31) • Насущные вопросы (с. 33)

По меньшей мере с тех пор, как в 60-х годах XX века по всей Европе и США появились первые ростки контркультуры, стало принято заявлять, что все религии прекрасны и все они истинны. Это утверждение, которое восходит к тексту «Все религии одинаковы» (1795) английского поэта, гравера и провидца Уильяма Блейка, выглядит столь же странно, сколь и любопытно¹. Никому не приходит в голову доказывать, что разные экономические системы или политические режимы – это одно и то же. Различия капитализма и социализма настолько очевидны, что о самом факте их существования едва ли стоит упоминать. То же самое справедливо для демократии и монархии. Тем не менее ученые продолжают настаивать на том, что конкурирующие религии, такие, как индуизм и ислам, иудаизм и христианство, по некой удивительной прихоти воображения представляют собой одно и то же, и эти взгляды эхом повторяет массовая культура, не в последнюю очередь многомиллионный проект Дэна Брауна «Код да Винчи».

Самая популярная у сторонников подобных взглядов метафора изображает великие религии взбирающимися на одну и ту же гору по разным тропам. «Взойти на гору жизни можно с любой стороны, но на ее вершине тропы сходятся, – пишет философ и религиовед Хьюстон Смит. – У подножия, в предгорьях теологической, ритуальной и организационной структуры, религии различаются. Особенности и отличиями культуры, истории, географии, общественного темперамента обусловлена разница отправных точек... Но за пределами этих различий манящая цель остается одной и той же»². Эта мысль служит утешением в мире, где конфликты и насилие по религиозным причинам зачастую выглядят существующими и действенными в большей степени, нежели Бог. Но так ли это? Если да, что нас может ожидать на вершине?

Согласно Мохандасу Ганди, «вера в единого Бога – краеугольный камень всех религий», значит, к этому единому Богу и взбираются вверх по склону все религиозные люди. Но когда речь заходит о божественном, единица оказывается не единственным возможным числом религий. Многие буддисты не верят ни в одного бога, многие индуисты верят в тысячи богов. Более того, по характеру эти боги различаются настолько, что это не укладывается в голове. Так кто же на самом деле бог – воитель, как индуистская Кали, или кроткий странник, как христианский Иисус? Обезличен он или наделен воплощением? Какого он пола – мужского, женского или обоих сразу? Или он вообще не поддается описаниям?

Как и Ганди, Далай-лама утверждает, что «ключевая мысль всех религий во многом одна и та же»³. Но с его точки зрения, религии мира объединяет не столько Бог, сколько Благо – сладостная гармония мира, любви и взаимопонимания, которые известный религиовед Карен Армстронг также считает образующими стержень каждой религии. Разумеется, традиции мировых религий объединяет и многочисленность этических норм. Ни одна религия не одобряет секс с родной матерью или убийство родного брата. Это незыблемое правило можно увидеть не только в христианской Библии и иудейском Талмуде, но и в индуистских и конфуцианских священных книгах. Но ни одна религия не воспринимает как причину своего существования одни только этические нормы. В представлении иудеев галаха («закон» или «путь») содержит и ритуалы, а десять заповедей начинаются с правил поклонения Богу.

Справедливости ради отметим: те, кто утверждает, что религии мира – одно и то же, не отрицают неоспоримого факта расхождений в деталях. Очевидно, что христиане не совершают паломничеств в Мекку, а у мусульман нет таинства крещения. Как признает Хьюстон Смит, пути религий расходятся «в предгорьях» догм, церемоний и учреждений⁴. То есть утверждать, что все религии одинаковы, – это не значит отрицать разницу между буддистами, которые не верят в бога, иудеями, которые верят в единого Бога, и индуистами, верующими во многих богов. Это значит просто утверждать, что математика божественности – проблема «предгорий».

На протяжении большей части истории человечества люди воспринимали религиозных противников как низших по положению, и даже сегодня религиозные различия существенно влияют на реальный мир

Споры о том, есть ли у Бога тело (да, говорят мормоны; нет, говорят мусульмане), есть ли у людей душа (да, говорят индуисты; нет, говорят буддисты), не имеют значения, потому что, как пишет индуистский духовный учитель Свами Шивананда, «основы или сущности всех религий одинаковы. Религии различаются лишь в том, что не относится к сущности»⁵.

Красиво выраженная мысль – и вместе с тем опасная, неуважительная и неверная. В течение жизни более чем целого поколения мы следовали за учеными и гуру, направлялись по кроличьей норе в воображаемый мир, где все боги одинаковы. Это самообольщение отчасти объясняется вполне понятным неприятием миссионерских эксклюзивистских взглядов, согласно которым в рай или на небеса попадешь лишь ты сам и тебе подобные. На протяжении большей части истории человечества люди воспринимали религиозных противников как низших по положению приверженцев бессмысленных обрядов, виновников поддельных чудес, распространителей надуманных мифов. В эпоху Просвещения в XVIII веке популярность приобрели идеалы религиозной терпимости, и нам, несомненно, от этого стало легче. Тем не менее идея религиозного единства остается самообольщением, добавить миру спокойствия ей так и не удалось. Напротив, из-за этого наивного теологического группового мышления – назовем его «богомышлением» – мир стал более опасным, так как мы перестали обращать внимание на религиозные конфликты, создающие угрозу для нас повсюду. Нам пора выбраться из кроличьей норы и вернуться к действительности.

Приверженцы соперничающих религий мира объединяются, когда речь заходит о вопросах этики, но решительно расходятся по вопросам учений, обрядов, мифологии, опыта и права. Эти различия могут не иметь значения для мистиков или религиозных философов, однако они важны для простых верующих. Мусульмане не считают несущественным паломничество в Мекку, которое они называют «хадж». Напротив, его причисляют к пяти столпам ислама. Христиане не считают несущественным крещение. Напротив, оно входит в число семи христианских таинств. Но религиозные различия не просто имеют значение для тех, кто исповедует ту или иную религию. Они оказывают непосредственное влияние на реальный мир. Из-за них, к примеру, люди отказываются вступать в брак с мусульманином или индуисткой. А в некоторых случаях религиозные различия побуждают верующих сражаться и убивать.

Одно из назначений мантры «все религии одинаковы» – остановить эти сражения и убийства. Утешает возможность делать вид, что великие религии составляют одну большую, дружную, счастливую семью. Но каким бы благонамеренным ни было это отношение, его нельзя назвать ни точным, ни этически достоверным. Бог не один. Вера в единство религий – всего лишь вера (возможно, даже фундаменталистского толка). А скачок, который приводит нас к ней, – плод гиперактивного воображения.

Аллергия на дискуссии

Одна из причин нашего желания последовать за фантазиями в кроличью нору религиозного единства – неловкость, которую вызывают у нас споры. Когда речь заходит о религии, нам особенно остро хочется всеобщего лада и согласия. В период преподавания в Бостонском университете мне приходилось потрудиться, чтобы спровоцировать вежливую дискуссию. Моим студентам легко давалась «вежливость», а на «дискуссию» возникала аллергическая реакция. Они считали споры проявлением невоспитанности и даже в кругу друзей старались избегать их любой ценой. Они охотно обсуждали достоинства последнего фильма братьев Коэн или диска U2, но ни в какую не соглашались высказывать разногласия почти по всем прочим поводам. Когда дело доходит до религии, американская молодежь с гораздо большей вероятностью пользуется выражением «мне кажется», чем «я считаю» или, Боже упаси, «я убежден».

В иудейской традиции различают споры ради победы в спорах (не имеющие ценности) и «споры во имя Бога» (имеющие ценность)⁶. Сегодня Запад захлестывают споры по радио, телевидению, в интернете, но почти всегда эти споры ведутся не ради истины, а ради рейтингов или саморекламы, или по обоим причинам. Поэтому мы не желаем спорить на благо кого-то другого, а когда спорят другие, не видим в этом ничего достойного. Идея религиозной терпимости трансформировалась в смиренную рубашку религиозного согласия.

Однако в глубине души мы знаем, что религии мира отличаются друг от друга. Как утверждал мой коллега Адам Селигмен, сама идея религиозной терпимости подразумевает различия, поскольку незачем проявлять терпимость к чужой религии, если она, по сути дела, ничем не отличается от твоей⁷. Мы делаем вид, что эти различия несущественны, потому что так чувствуем себя увереннее, выглядим более высококонрастными. Но от притязаний на «одинаковость» мировых религий более безопасным наш мир не становится. Подобно всем формам невежества, эти притязания делают мир более опасным. Что нам нужно на этой неистово религиозной планете, так это реалистичный взгляд на сферы конфликтов соперничающих религий и сферы, в которых они могут сотрудничать. Новый подход к этой скользкой теме может внушать страх. Но мир таков, каков он есть. Поэтому толерантность и уважение останутся бессмысленными словами до тех пор, пока мы не узнаем хоть что-нибудь о том, к кому именно должны проявлять толерантность или уважение.

Мнимый плюрализм

Книга Хьюстона Смита «Религии мира» была распродана тиражом более двух миллионов экземпляров с тех пор, как впервые вышла в 1958 году под названием «Религии человечества». Одна из причин ее успеха – искреннее и убежденное провозглашение Смитом идеи принципиального единства мировых религий. Делая акцент на вечных идеалах того, что он назвал «нашими традициями мудрости», Смит уделяет основное внимание духовному опыту и сводит до минимума упоминания об исторических фактах, институциональных реалиях и соблюдении ритуалов. Он приводит в пример скорее выдающихся, нежели обычных приверженцев религии – таких мистиков, как аль-Газали в исламе, святой Хуан де ла Крус (святой Иоанн Креста) в христианстве и Чжуан-цзы в даосизме. По его собственному признанию, Смит пишет о «религиях в их лучшем проявлении», демонстрирует их «светлую сторону» вместо того, чтобы вывешивать на обозрение грязное белье, ставит их «богодухновенную» философию и теологию превыше войн и кривотолков. Он пишет с позиций сочувствующего, обращаясь к американским идиомам надежды и оптимизма. Когда речь идет о религии, говорит Смит, дело «обстоит лучше, чем может показаться»⁸.

Более полувека назад, когда Смит написал эти слова, они сыграли на чувствах именно так, как и требовалось. После Второй мировой войны и холокоста поборники традиции, которая приобретала известность как иудео-христианская, начинали рассматривать протестантизм, католичество и иудаизм как три равноправных проявления одной общей веры. Тем временем поклонники «Вечной философии» Олдоса Хаксли (1945) и «Тысячеликого героя» Джозефа Кэмпбелла (1949) осуждали устоявшуюся склонность людей делить мировые религии на две категории: ложные и свою собственную. Религии мира, утверждали они, – это разные тропы, ведущие к вершине одной и той же горы. Или, как выразился Свами Шивананда, «Коран, Зенд-Авеста или Библия в той же степени священны, как и «Бхагавад-гита»... Ахура Мазда, Ишвара, Аллах, Яхве – все это разные имена одного Бога»⁹. Сегодня этот подход – новая ортодоксальность, закреплённая в бестселлерах Карен Армстронг и телевизионных интервью Билла Мойерса с Джозефом Кэмпбеллом, Хьюстоном Смитом и другими видными сторонниками «вечной философии».

Это «вечнофилософствование» может показаться вполне плюралистическим, но лишь на первый взгляд. Католического богослова Карла Ранера справедливо раскритиковали за его теорию, согласно которой многие буддисты, индуисты и иудеи на самом деле «анонимные христиане», которые в грядущем попадут на небеса. Консервативные католики считают эту теорию оскорбительной для их давнего убеждения в том, что «вне церкви нет спасения». Но и либералы осуждают учение Ранера за снисходительность, присущую ему, по их мнению. «Нигде в мире, – пишет католический богослов Ханс Кюнг, – не найти истинного иудея, мусульманина или атеиста, который не счел бы заявление о том, что он «анонимный христианин», безапелляционным»¹⁰.

Но безапелляционны и сторонники «вечной философии». Они тоже приписывают своей традиции посторонних вопреки их воле. Когда гуру Хаксли, Свами Прабхавананда, говорит, что все религии ведут к Богу, ему представляется индуистский Бог. И когда мои студенты-индуисты цитируют бога Кришну из «Бхагавад-гиты» (4:11) – «Как человек предается Мне, так Я и вознаграждаю его» – истина, которая им представляется, – индуистская истина. Всего в нескольких кварталах от моего офиса находится Общество Веданты и Рамакришны. Его здание очень похоже на церкви основного направления протестантизма, но перед ним расставлены изображения индуистских богов, а в самом помещении находятся символы мировых религий: исламские звезда и полумесяц, буддийское колесо дхармы, христианский крест,

иудейская звезда Давида. Когда мой друг Свами Тьягананда, который руководит Обществом, утверждает, что все религии одинаковы, он высказывается как верующий человек, исполненный надежд. Когда о том, что все религии одинаковы, говорит Хьюстон Смит, он изъясняется на том же языке.

Мы живем в мире, в котором религия с одинаковой вероятностью способна как взорвать бомбу, так и обезвредить ее

Мне понятна суть их действий. Они не описывают мир, а воображают его заново. И рассчитывают, что их надежды пробудят в нас братские чувства. Перед лицом угрозы религиозного фанатизма и кровопролития как в прошлом, так и в настоящем мы не можем не стремиться к таким видениям и такой надежде. Однако нам следует понимать, что они собой представляют, не путая ни то, ни другое с ясным и четким анализом. Мы должны признать: бывают ситуации, в которых непонимание различий между, допустим, суннизмом и шиизмом, усиливает, а не ослабляет конфликты и насилие. Увы, мы живем в мире, в котором религия с одинаковой вероятностью способна как взорвать бомбу, так и обезвредить ее. И если идеализм нам необходим, то в реализме мы нуждаемся еще сильнее. Нам требуется понять религиозных людей такими, какие они есть, не только в лучшем, но и в худшем проявлении. Мы должны обратиться не только к архитектуре, внушающей благоговейный трепет, и благородному мистицизму, но и к фанатизму, и к террористам-смертникам.

Религия имеет значение

Действительно ли у мировых религий больше общего, чем различий, – один из решающих вопросов нашего времени. До недавнего времени большинство социологов были уверены, что религии исчезают, что по мере индустриализации и модернизации страны будут становиться все

более светскими. В настоящее время религия действительно сдает позиции во многих западноевропейских странах. Однако более девяти из каждых десяти американцев веруют в Бога, и за примечательным исключением Западной Европы, остальному миру тоже присуща выраженная религиозность. Повсюду в Латинской Америке, Африке и Азии религия имеет значение для христиан, которые славят Иисуса после рождения ребенка, для мусульман, которые обращаются к Аллаху за утешением, когда узнают, что больны раком, и для индуистов, которые просят у богини Лакшми здоровья, богатства и мудрости. Религия играет существенную роль и в жизни Западной Европы, где свойственное католичеству отношение к женщине и телу, к примеру, продолжает оказывать влияние на повседневную жизнь в Испании и Италии и где призыв к молитве по пять раз на день звучит в мечетях повсюду, от Амстердама до Парижа и Берлина.

Однако религия – не просто частное дело. Она имеет значение на социальном, экономическом, политическом и военном уровне. Религия может и не сворачивать горы, тем не менее это одна из главных движущих сил мировой политики. Она определяет ход выборов и в США, где примерно половина американцев утверждает, что не стали бы голосовать за атеиста, и в Индии, где движение «Хиндутва» («индусскость») стало местным вариантом американского движения правых христиан. Религией движима и экономика. Паломники, направляющиеся в Мекку и Иерусалим, закачивают миллиарды долларов в год в экономику Саудовской Аравии и Израиля. Доход от продаж Библии в США ежегодно составляет приблизительно 500 миллионов долларов, оборот мусульманских банков достигает одного триллиона долларов¹¹.

Религия – не просто частное дело. Это одна из главных движущих сил мировой политики

Мировую историю зачастую излагают так, словно религия не играла в ней хоть сколько-нибудь заметной роли. Испанцы завоевали Новую Испанию ради золота, британцы прибыли в Новую Англию, чтобы ловить рыбу. Великая французская революция не имела никакого отношения к католичеству, движение за гражданские права в США преследовало исключительно гуманистические цели. Но даже если религия представляется вам лишеной смысла, понять ее смысл необходимо, чтобы понять мир.

В одном только XXI веке религия уничтожила Бамианские статуи Будды в Афганистане и башни-близнецы в Нью-Йорке. Она же разожгла гражданскую войну в Шри-Ланке и Дарфуре. Она оказывала сопротивление коалиционным войскам в Ираке. Во многих странах мнение религии оказывается решающим в вопросах питания людей, а также обстоятельств их вступления в брак и развода. Религиозное соперничество либо медленно кипит, либо выплескивается в Мьянме, Уганде, Судане и Курдистане. Борьба в Иерусалиме и на Ближнем Востоке носит религиозный характер в той же мере, что и экономический и политический. Индуизм и буддизм служили ключевыми факторами мотивации в затянувшейся на десятилетия гражданской войне, еще недавно раздиравшей Шри-Ланку. Религия остается главным мотивирующим фактором в Кашмире, где две ядерные державы, преимущественно индуистская Индия и преимущественно мусульманский Пакистан, никак не могут разрешить давний территориальный спор с ощутимым религиозным оттенком. Догмат «все религии одинаковы» не поможет нам продвинуться в понимании этой борьбы ни на йоту.

Токсин и тоник

Начало XXI века в Европе и США ознаменовалось выходом в свет десятков бестселлеров, написанных так называемыми новыми атеистами. Такие авторы, как Ричард Докинз, Сэм Харрис, Дэниел Деннет, Кристофер Хитченс и Мишель Онфре, проповедовали свою версию «богомышления», усаживая в подражание сторонникам «вечной философии» все религии в одну лодку. Но эта команда видела лишь грехи, объединяющие великие религии – одну и ту же глупость, один и тот же гнет. Посмотрите на крестовые походы, 11 сентября и все религиозные конфликты в промежутке между этими событиями, предлагали они. Посмотрите на уродливое наследие сексистских (и подавляющих сексуальность) писаний. Религия опасна для вашего здоровья и токсична для общества.

Разумеется, религия существует не в вакууме. «Исповедовать религию в общем» можно с таким же успехом, как «говорить в общем на языке». Поэтому обобщения, касающиеся комплексного влияния религии, – особая категория опасности. Тем не менее основной тезис «новых атеистов», несомненно, верен: религия действительно является одной из величайших сил зла в мировой истории. Однако религия – это еще и одна из величайших сил добра. Религии оставили божественную печать одобрения на всевозможных дьявольских замыслах, но вместе с тем религии обладают достаточной силой, чтобы сказать «нет» злу и пошлости. Да, религия дала нам инквизицию. А во времена

Религия – одна из величайших сил зла в мировой истории

не столь отдаленные она дала нам убийства президента Египта Анвара Садата исламскими экстремистами, премьер-министра Израиля – вооруженным иудеем, премьер-министра Индии Индиры Ганди – телохранителями-сикхами. Но вместе с тем религии мы обязаны отменой рабства и движением за гражданские права. Множество, а может, и большинство шедевров живописи, литературы, скульптуры, архитектуры и музыки созданы благодаря религиозному вдохновению. Без религии не было бы Альгамбры и Ангкор-Вата, регги и григорианского хора, «Тайной вечери» Леонардо да Винчи и «Четырех квартетов» Т.С. Элиота, «Молчания» Сюсаку Эндо и «Ночи» Эли Визеля.

Политологи полагают, что мотивацией людям служит в первую очередь власть, экономисты приписывают то же значение алчности. Но невозможно понять действия отдельных лиц, общин, сообществ, народов, если подходить к ним исключительно с политическими или экономическими мерками. Незачем верить в силу молитвы, чтобы увидеть, как сила религиозных убеждений и поступков побуждает людей к действию. Религия сыграла свою роль в создании Исламской Республики Пакистан в 1947 году и в основании государства Израиль в 1948 году, в Исламской революции в Иране (1979) и в «Рейгановской революции» 80-х годов XX века.

Когда я преподавал в университете штата Джорджия в Атланте, я требовал, чтобы мои студенты читали нацистскую богословскую литературу. Я хотел, чтобы они поняли, каким образом некоторые христиане сумели превратить слова Библии в оружие, направленное против евреев, и как это оружие привело к появлению Освенцима и Дахау. После этого шокирующего чтения мои студенты-христиане возмущенно заявляли в один голос: нацисты были ненастоящими христианами, потому что настоящие христиане ни за что не стали бы отправлять евреев в крематории. Эта реакция ужаснула и до сих пор ужасает меня, поскольку неспособность понять, каким образом ненависть древних христиан к «христубийцам-евреям», питавшая нацизм, позволяет христианам сложить с себя всякую ответственность за вклад, который их религия внесла в ужасы войны.

После 11 сентября многие мусульмане тоже отказались от подобной ответственности. Они утверждали, что террористы, вера которых превратила самолеты в оружие массового

уничтожения, террористы, которые оставили свой Коран в чемоданах и с криками «Аллаху Акбар» («Аллах Велик») направили самолеты к выбранным целям, были ненастоящими мусульманами. Истинные мусульмане не стали бы убивать женщин, детей, мирных граждан. Таким образом, эти мусульмане сложили с себя ответственность и отказались расплачиваться за темную сторону своей традиции.

Я требовал, чтобы мои студенты читали нацистскую богословскую литературу. Я хотел, чтобы они поняли, каким образом некоторые христиане сумели превратить слова Библии в оружие злодеев

Так что же такое религия – токсин или тоник? Одна из величайших в мире сил зла или одна из величайших в мире сил добра? Да и еще раз да, и это значит, что религия – слишком заметная сила, чтобы пренебрегать ею. Ганди был убит индуистским экстремистом, убежденным, что мусульманам досталась слишком большая территория по условиям раздела Индии и создания Пакистана. Однако стратегия сатьяграхи, или ненасильственного сопротивления, которую пропагандировал Ганди, тоже была порождена религией, на нее оказали заметное влияние джайнистский принцип ахимсы (ненасилия), а также пацифизм Нагорной проповеди Иисуса. Да, религия дала Соединенным Штатам расистскую ненависть Ку-клукс-клана, но вместе с тем положила конец дискриминирующим «Законам Джима Кроу» о расовой сегрегации.

Сегодня невозможно понять американскую политику, не имея представления о Библии, на которой клянутся президенты США и к которой почти ежедневно обращаются в Конгрессе. Невозможно понять политику Индии и экономику Китая, ничего не зная об индуизме и конфуцианстве. На заре XX века У. Э.Б.Дюбуа в книге «Душа черного народа» пророчествовал, что «проблема XX века – проблема цветного барьера». События 11 сентября и многие другие свидетельствуют о том, что для XX века характерна проблема религиозного барьера¹².

Коянискаци

Если что-то и объединяет религии мира, то не столько финишная черта, сколько точка старта. А начинаются они с одного простого наблюдения: в мире что-то разладилось. В языке индейцев хопи слово «коянискаци» означает «жизнь вне равновесия». В шекспировском «Гамлете» говорится, что «подгнило что-то» не только в Дании, но и в существовании человека. Индуисты считают, что мы живем во время Кали-юги, эпохи наибольшего упадка в космической истории. Буддисты утверждают, что жизнь человека обезображена страданием. История иудаизма, христианства и ислама свидетельствует о том, что эта жизнь проходит отнюдь не в Едеме, и что Сион, Царство Божье и рай где-то впереди.

Религиозные люди во всем мире соглашаются с тем, что порядок нарушен. Однако их мнения расходятся при попытках выяснить, что именно разладилось, а пропасть между ними возникает при переходе от выявления людских проблем к поискам их разрешения. Христиане считают источником всех бед грех, а религиозной целью – спасение от греха. Буддисты называют этим источником страдание (которое, согласно их традиции, отнюдь не возвышает), а религиозной целью – избавление от страданий. Если приверженцы религий мира и вправду сродни альпинистам, тогда они взбираются на совершенно разные горы, совершают восхождение на разные пики и пользуются при этом разным снаряжением и приемами.

Так как религиозные традиции не остаются статичными со сменой веков, стран и обстоятельств, внутренние разногласия в каждой из мировых религий весьма существенны. Религиоведы поспешат указать, что существует не один буддизм, а множество. То же самое относится ко всем религиям мира. Христиане причисляют к себе подобным приверженцев римского католичества, православия и протестантизма; быстро развивающийся мормонизм вполне может оказаться четвертым из основных путей христианства. Иудеи различают ортодоксальный, консервативный, реформистский, конструктивистский и секулярный иудаизм. Индуисты поклоняются невообразимому множеству богов невообразимым множеством способов. И, как может подтвердить каждый американский и европейский солдат, воевавший в Ираке и Афганистане, суннизм и шиизм – направления ислама, заметно различающиеся во многих отношениях.

Я вовсе не считаю, что мы не наблюдаем «конфликт цивилизаций» между исламом и христианством, тем не менее нелепо предполагать, что две крупнейшие мировые религии одинаковы хоть в сколько-нибудь значительном смысле или что межконфессиональный диалог между христианами и мусульманами как по волшебству поможет преодолеть разделяющую их пропасть. Казалось бы, этот факт должен воодушевлять сторонников мультикультурализма, прославляющих многообразие в рамках религиозных традиций и за их пределами. Но даже в среде мультикультуралистов прослеживается тенденция делать вид, будто бы различия между, скажем, исламом и христианством скорее мнимые, чем подлинные, и что различия внутри религиозных традиций просто не являются основанием для шумихи, которую поднимают из-за них верующие. Тем временем в англиканских общинах всего мира наблюдается раскол по вопросу отношения к гомосексуализму, а в США такие болезненные темы, как аборт или исследования стволовых клеток, разводят протестантов по двум враждующим лагерям.

Если что-то и объединяет религии мира, то не столько финишная черта, сколько точка старта. А начинаются они с одного простого наблюдения: в мире что-то разладилось

Более ста лет ученые вели поиски сущности религии. Они уже считали, что нашли этот Святой Грааль в Боге, но потом узнали, что буддисты и джайнисты отрицают существование Бога. Сегодня широко распространено мнение, согласно которому общей для всех религий сущности нет. Если что и объединяет их, то фамильное сходство: склонность к определенным

верованиям или поступкам. В этом семействе религий родственникам свойственно отправлять обряды. Им свойственно делиться преданиями о том, как появились жизнь и смерть, и записывать эти предания, составляя священные книги. Им свойственно совершенствовать методики вхождения в транс и поклонения. Свойственно образовывать институты и собираться в священных местах во время, считающееся священным. Свойственно учить людей, как вести себя по отношению друг к другу. Свойственно исповедовать ту или иную веру в богов и сверхъестественное. Свойственно наделять предметы и места сакральным смыслом. Религиозный философ Ниниан Сمارт называл эти тенденции семью «аспектами» религии: обрядовым, нарративным, эмпирическим, институциональным, этическим, доктринальным и материальным¹³.

Но эти примеры фамильного сходства – всего лишь тенденции. Как в семьях невысоких людей есть верзила (у баскетболиста Майкла Джордана не было родственников ростом выше шести футов – 1,80 м), так и в семье религий есть те, которые отвергают существование Бога, и те, которые прекрасно обходятся без символов веры. Религия является таковой в том случае, если обладает достаточным сходством ДНК, чтобы принадлежать к семье религий. Особенными (и самими собой) членом этой семьи религии делает то, как именно они смешивают и сочетают свои аспекты. Опыт занимает центральное место в даосизме и буддизме. Нарративный аспект подчеркивается в индуизме и иудаизме. Для конфуцианства ключевое значение имеет этический аспект. Ислам и религия йоруба – в значительной мере ритуалы. А доктринальность особенно важна для христиан.

Соперничающие религии мира, несомненно, связаны родственными узами, но скорее как двоюродные братья и сестры, чем как монозиготные близнецы. Они следуют разным учениям. Они отправляют разные обряды. И не преследуют одни и те же цели.

Разные проблемы, разные цели

После выхода моей книги «Религиозный ликбез» (*Religious Literacy: What Every American Needs to Know – and Doesn't*, 2007) я получил по обычной и электронной почте множество писем, в которых читатели признавались, что понятия не имеют о мировых религиях, и спрашивали, нет ли какой-нибудь книги, которую можно прочесть, чтобы стать грамотным в вопросах религии. Эта книга написана специально для них. В ней рассматриваются характерные особенности каждой из великих религий: к примеру, увлеченность приверженцев религии йоруба властью, акцент даосистов на естественности, внимание мусульман к загробной жизни.

Основа этого проекта – простой, состоящий из четырех частей подход к религиям, метод, которым я годами пользуюсь в учебных аудиториях и лекционных залах всего мира. Каждая религия формулирует:

- проблему,
- решение этой проблемы, которое также служит религиозной целью,
- метод (или методы) перехода от проблемы к ее решению,
- пример (или примеры) для подражания, которые проложили этот путь от проблемы к решению.

К примеру, в христианстве

- проблема – грех,
- решение (или цель) – спасение души,
- метод достижения спасения – определенное сочетание веры и добросовестной работы,
- примеры для подражания, указавшие этот путь, – святые в католичестве и православии и простые верующие в протестантизме.

В буддизме

- проблема – страдание,
- решение (или цель) – нирвана,
- метод достижения нирваны – Благородный Восьмеричный Путь, предусматривающий такие классические практики буддизма, как медитация и песнопения,
- примеры, указавшие этот путь, – архаты (в тхераваде), бодхисаттвы (в махаяне) или ламы (в ваджраяне).

Этот четырехчастный подход является заведомо упрощенным. Невозможно обобщить итоги тысячелетий христианской веры или буддийской практики в четырех тезисах. Следовательно, эта модель – всего лишь отправная точка, а нюансы прояснятся по ходу дела. К примеру, католики и протестанты расходятся во мнениях о том, как достичь спасения, а приверженцы махаяны и тхеравады – в том, как достичь нирваны (и в вопросе о том, является ли нирвана «достижением»). Однако несомненное достоинство этой простой схемы заключается в том, что она помогает выявить и разъяснить различия между религиозными традициями и внутри них. Пытаются ли буддисты достичь спасения души? Конечно, нет, так как даже не верят в грех. Пытаются ли христиане достичь нирваны? Нет, поскольку для них страдание не является тем, что надлежит преодолевать. В сущности, оно может даже пойти на пользу.

Эта книга обращена и к религиозным, и к нерелигиозным людям. Незачем верить в Бога, чтобы испытывать желание понять, как вера в Бога преображала личность и общество со времен Древнего Израиля до современного Китая. Незачем креститься или выходить замуж за мусульманина, чтобы стремиться к пониманию воздействия обрядов на людей, которые их

отправляют. Значит, эта книга написана для неверующих. Но вместе с тем и для исповедующих веру, и для искателей своего сакрального пути. Люди, проявляющие интерес к духовной жизни и находящиеся в поиске новых вопросов или новых ответов, найдут изобилие и того, и другого в жизни индуистов, конфуцианцев и иудеев, о которой говорится в этой книге. И даже те, кто уже утвердился в своих религиозных (или нерелигиозных) привычках, получают возможность заново сформулировать свои религиозные обязательства (или отсутствие таковых), сравнивая их с иными проявлениями религиозности и находя сходства и различия.

В этой книге многого недостает. В нее не вошел синтоизм – как и джайнизм, зороастризм, викканство и бахаизм. Обделены вниманием новые религиозные движения, такие, как растафарианство и сайентология. Но больше всего я сожалею о том, что не включил в книгу сикхизм. Я куратор Ассоциации сикхов Бостонского университета, несколько лучших моих студентов были сикхами. Но мне понадобилось провести черту, и я провел ее, оставив под ней примерно 25 миллионов приверженцев сикхизма.

В эту книгу вошли великие религии Ближнего Востока (иудаизм, христианство и ислам), Индии (индуизм и буддизм) и Восточной Азии (конфуцианство и даосизм). Кроме того, в нее была включена вера Западной Африки и диаспор ее выходцев – религия йоруба. В учебниках религиоведения в ту же кучу обычно сваливают североамериканские, австралийские и прочие африканские «первобытные» или «примитивные» религии.

Тот, кто знает только одну религию, ничего не знает о религии

Однако йоруба – на самом деле великая религия, насчитывающая более 100 миллионов приверженцев, живущих повсюду – от места ее зарождения в Западной Африке до Южной и Центральной Америки, островов Карибского моря и США. Религии представлены здесь в отдельных главах, но ни одна из них в действительности не занимает обособленного положения. Как не устают напоминать нам конфуцианцы, человек не остров, и как писал философ-иудей Абрахам Хешель, «ни одна религия не является островом»¹⁴. Одна из важных тем мировой истории – межрелигиозный контакт, а возникновение межрелигиозных конфликтов, сотрудничества и союзов в последнее время ускорилось. Поэтому цель данной книги – представить восемь великих религий не по отдельности, а в состоянии соприкосновения и в сравнении. Можно немало узнать о своей религии, сравнивая ее с другими. Согласно известному высказыванию немецкого филолога и специалиста по сравнительному религиоведению Макса Мюллера, «тот, кто знает что-то одно, ничего не знает»¹⁵.

«Великий» – не обязательно «хороший»

Мусульмане с давних времен настаивают на том, что единственный Бог велик. Но в этой книге великими названы значительные мировые религии. Что это значит? Во-первых, это не значит, что все они хороши. Дольше, чем на протяжении жизни поколения, авторы, пишущие о религии, руководствовались убеждением, что путь к межрелигиозному пониманию – акцент, сделанный не только на сходствах мировых религий, но и на том, что они по сути своей благо. Это побуждение вполне понятно. Ни один беспристрастный ученый не станет закреплять стереотипы, зачастую уходящие корнями в миссионерскую полемику и утверждающие, что ислам – сексистская, индуизм – идолопоклонническая религия, а африканские верования сродни сатанизму. Однако пришло время перерасти этот защитный рефлекс. После холокоста и 11 сентября и нам необходимо рассматривать мировые религии такими, какие они есть на самом деле – во всем их бесславии и славе. Значит, необходимо понять, в чем они расходятся и согласуются, и не закрывать глаза на их недостатки и промахи.

С 1927 года журнал *Time* выбирает «человека года». Некоторые избранники, мужчины и женщины, – первыми вспоминаются Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Черчилль, – были великими в благом смысле слова. Но благо не являлось обязательным условием для редакции *Time*, где просто искали человека, «с которым так или иначе связаны наиболее важные события минувшего года». (Избранником *Time* в 1938 году стал Гитлер, а в 1939 и 1942 годах – Сталин). При выборе религий для этой книги я не предпринимал никаких усилий, чтобы отделить зерна от плевел. Я просто старался включить в текст распространенные и весомые религии – те, которые «так или иначе» оказывали непосредственное влияние в течение некоторого времени и продолжают оказывать на нас влияние сегодня¹⁶.

Мировые религии представлены здесь не в хронологическом порядке их основания, а по степени влияния, от наиболее до наименее влиятельных. Но как определить степень влияния? Очевидно, что в этом

Пришло время рассматривать мировые религии такими, какие они есть
на самом деле – во всем их бесславии и славе

случае статистика выходит на первый план. Строго в численном выражении наиболее великими религиями являются христианство и ислам, которые вместе исповедует более половины населения планеты; иудаизм с его 14 миллионами приверженцев находится на последнем месте. Но есть еще один ключевой фактор – историческая значимость. По этой шкале иудаизм вполне может оказаться величайшей из религий, так как он породил и христианство, и ислам. В итоге был выбран порядок, соответствующий в первую очередь воздействию в настоящее время – степени, в которой каждая религия задевает нас, потрясает, лишает дара речи.

Собирая материал для этой книги, я обращался к друзьям и студентам с вопросом о том, какую религию они считают наиболее влиятельной. И получил длинный перечень возможных вариантов, вплоть до коммунизма. Веские доводы были приведены в пользу конфуцианства, основной движущей силы восточноазиатского экономического чуда, которое увидело предыдущее поколение, и нынешнего бума в Китае, где правительство пропагандирует идеалы конфуцианства в дополнение к умирающей идеологии марксизма-ленинизма (и в качестве возможной замены последней). Но самые значительные религии сегодняшнего дня – христианство и ислам. Именно они традиционно вызывают раздражение у атеистов. Именно они привели к изменениям на геополитической карте.

Величайшая из религий

Доводы в пользу преимуществ христианства выглядят убедительно. В США, самой могущественной державе мира, христианство – религия *par excellence*. Бестселлер номер один во всем мире, Библия, – священное писание американских политиков, широко цитируемое в инаугурационных речах и на заседаниях в Белом доме и Сенате. Подавляющее большинство граждан США считают себя христианами, то же самое относится ко всем президентам страны, начиная с Вашингтона. Но во всем мире религией большинства христианство не является. В сущности, ни одна религия не претендует более чем на треть современного глобального религиозного рынка, действующего в условиях острой конкуренции. Следовательно, в мировых масштабах вопрос о величии не имеет однозначного ответа.

Ни одна религия не претендует более чем на треть современного глобального религиозного рынка, действующего в условиях острой конкуренции

Тем не менее положение Мухаммеда Али в сфере мировых религий занимает ислам. Статистически ислам на втором месте после христианства, но численность его сторонников растет гораздо быстрее. За последний век численность христиан в мире слегка снизилась – с 35 % в 1900 году до 33 % в настоящее время. В Европе многих христиан можно назвать исповедующими эту религию в лучшем случае формально. За тот же период численность приверженцев ислама резко возросла: с 12 % населения мира в 1900 году до 22 % в настоящее время¹⁷. Согласно Базе данных по мировым религиям, численность сторонников ислама растет на 33 % быстрее численности сторонников христианства главным образом за счет высокой рождаемости в Индонезии, Пакистане, Бангладеш, Индии, Египте, Иране и других странах, где преобладает ислам¹⁸. Так что если в христианском сегменте рынка наблюдается застой, то исламский продолжает рваться вперед с головокружительной скоростью.

Если же отставить цифры, ислам остается лидером по влиянию на современность.

Многие христиане следуют принципу «кесарю кесарево, а Богу Богово», ограничивая свою веру личной сферой. Мусульмане же, напротив, так и не приняли разделения на частное и публичное. Большинство воспринимает ислам как религию и образ жизни.

Ислам определяет то, как верующие одеваются, питаются, вкладывают, тратят и одалживают деньги. Поэтому религиозные обязательства мусульман оказывают значительное влияние на мир, который их окружает.

Ислам и христианство – миссионерские религии, соперничающие в борьбе за новообращенных с тех пор, как в VII веке родился ислам. С начала современной эпохи ислам был на подъеме, в 1453 году завоевал Константинополь и в течение следующих нескольких веков быстро распространялся по Европе и Ближнему Востоку, Северной Африке, Индии и Юго-Восточной Азии. Но в последние несколько столетий, особенно после падения Османской империи в 1918 году, начался подъем христианства – благодаря экономическому, технологическому и военному могуществу колониальных держав Европы и США. В наше постколониальное время мусульмане вновь на марше и в новостных передачах.

Почти ко всем политическим горячим точкам мира так или иначе причастны мусульмане

В мире, где от нефти зависит жизнь наших автомобилей, электростанций и во все более значительной степени – наша собственная жизнь, шейхи Саудовской Аравии и других богатых нефтью исламских государств пользуются невероятным влиянием. Почти ко всем политическим горячим точкам мира так или иначе причастны мусульмане. И наконец, влияние, кото-

рое исламские экстремисты «Аль-Каиды» и других джихадистских организаций оказывают на современную жизнь, не поддается учету. Их действия привели к перераспределению триллионов долларов из государственных бюджетов, преобразили не только наши способы путешествовать и вести войны, но и наши представления о будущем планеты. Словом, ислам – религия, о которой говорят на планете больше, чем о какой-либо другой. Неслучайно журналист Кристофер Хитченс направлял свое острое перо в первую очередь на ислам. «Аллаху Акбар, – говорят правоверные мусульмане. – Бог велик». «Бог вовсе не велик, – возражал Хитченс. – Религия отравляет все»¹⁹.

В настоящее время мусульмане втянуты в исторический диалог о пути, который им следует проложить в современном мире, и не в последнюю очередь об отношениях между мечетью и государством. Этот диалог ни в коей мере не ограничен экстремистами или Ближним Востоком. Он бурно развивается в Индонезии, мусульманское население которой (самое многочисленное в мире) проявляет мало интереса к экстремизму. Он ведется и на Западе, где сильны позиции «прогрессивного ислама». На территории США находится более тысячи мечетей, политики учитывают политическое влияние мусульман в «колеблющихся штатах», таких, как Мичиган, а также в регионе трех штатов – Коннектикута, Нью-Джерси и Нью-Йорка. В Великобритании имя Мухаммад в настоящее время занимает третье место по популярности, его опережают лишь Томас и Гарри, а от него отстают

Джек и Оливер²⁰. Ислам также является наиболее быстро растущей религией в Европе, где численность мусульман за последние тридцать лет увеличилась втрое²¹.

Спорт и спасение

При выборе религий для этой книги и расстановке их по силе современного воздействия я, очевидно, находился под влиянием собственных предубеждений. Но я старался быть беспристрастным. Собирая материал в Иерусалиме, я разговорился с одним пожилым мусульманином. Когда я сказал ему, что пишу книгу о религиях мира, он строго посмотрел на меня, показал в мою сторону пальцем и велел мне быть честным. «Не пишите лжи о религиях», – сказал он. Религиоведы редко бывают честными настолько, чтобы признать это в разговоре, а тем более в публикациях, но все мы знаем, что в каждой религии мира есть то, что ей удастся хорошо, и то, что ей не удастся совсем. Если речь идет о помощи бездомным, скорее всего мы обнаружим, что христианское движение «Общественное Евангелие» гораздо полезнее индуистского представления о кастах. Когда нам надо найти способ успокоить мысли путем физических упражнений, пример индуистских йогов окажется полезнее примера христианских святых.

Однако быть честным – значит следовать традициям религии, писать так, чтобы по прочтении соответствующей главы верующие могли сказать «аминь», и в целом помнить, что пишущий о любой религии задевает чьи-то чувства. Проводя исследования для этой книги, я неоднократно сталкивался с тем, что видные теологи индуизма и буддизма обращаются с понятиями «греха» и «спасения души» так, словно они относятся к числу индуистских и буддийских²². Но это христианские понятия, поэтому я не пользовался ими, когда писал об индуизме и буддизме. По тем же причинам я не стал называть мусульманский рай или буддийскую нирвану небесами. Кроме того, я не исходил из предположения, что для индуистов писание играет столь же важную роль, как и для протестантов, или применяется схожим образом. Самые священные индуистские писания – Веды, но едва ли индуистам есть дело до их содержания: как подтвердит почти любой индуист, в этом случае важны звуки и сакральная сила, которую эти звуки передают. Я не считал, как считают многие протестанты, что религии – это прежде всего вера и убеждения. Религию нельзя низводить до уровня «системы убеждений», как нельзя сводить ее к «системе обрядов». Убеждения – неотъемлемая часть большинства религий, но все-таки лишь часть, и в большинстве случаев далеко не самая важная. (Например, можно быть иудеем, не веря в Бога). Поэтому я буду называть протестантов «верующими», а их религию – «верой», но постараюсь реже упоминать о религиозных людях в целом как о «верующих» или о том, что их традиции «основаны на вере».

Христианским мыслителям издавна свойственно полагать, что спасение души – цель всех религий, а затем утверждать, что лишь христиане могут достичь этой цели. Сын методистских миссионеров Хьюстон Смит, выросший в Китае, отрицал это утверждение, но не предпосылки к нему. «Считать спасение монополией какой-либо одной религии, – писал он, – все равно что заявлять, что Бога можно найти лишь в этой комнате, но никак не в соседней»²³. Заявление о том, что и конфуцианцы с буддистами могут спастись, может показаться достойным восхищения проявлением эмпатии. Тем не менее оно в корне ошибочно, так как конфуцианцы или буддисты не стремятся к спасению. Спасение – христианская цель, и когда христиане говорят о нем, то они имеют в виду спасение от греха. Но конфуцианцы и буддисты не верят в грех, поэтому им представляются бессмысленными попытки спастись от него. И хотя мусульмане и иудеи упоминают о грехах, ни в исламе, ни в иудаизме спасение от греха не названо целью. Когда темничный страж спрашивает апостола Павла: «Что мне делать, чтобы спастись?» (Деян 16:30), он задает не общечеловеческий, а специфический христианский вопрос. Поэтому каким бы великодушным ни казалось утверждение, что конфуцианцы, буддисты, мусульмане и иудеи могут быть спасены, на самом деле оно только создает путаницу. К спасению стремятся лишь христиане.

Здесь, пожалуй, будет уместным сравнение со спортом. В каком из следующих видов спорта – в бейсболе, баскетболе, теннисе или гольфе, – можно улучшить счет с помощью пробежек? Конечно, в бейсболе, потому что сам термин «пробежка» отсутствует в баскетболе, теннисе и гольфе. В каждом виде спорта своя цель: баскетболисты стремятся забросить как можно больше мячей в корзину, теннисисты отыгрывают очки, гольфисты загоняют мяч в лунки. И если задать вопрос, в каком из видов спорта имеют ценность пробежки, бейсбол с самого начала попадает в привилегированное положение. Критиковать баскетбольную команду за то, что ее игроки не набирают очки за счет пробежек – не значит запятнать ее репутацию. Это всего лишь непонимание сути игры в баскетбол. И в этом заключается еще одна проблема с мнимым плюрализмом давнего философского толка: как пробежки являются монополией только одного вида спорта, так и спасение – монополия только одной религии. Если рассматривать грех как причину затруднительного положения человека, а спасение души – как решение, тогда имеет смысл обратиться к Христу. Но проблему это не уладит настолько, как может показаться, поскольку подлинный вопрос заключается не в том, какая из религий наилучшим образом доставит нас в «зону защиты», то есть к спасению, а в том, к которой из многочисленных предлагаемых религиозных целей нам следует стремиться. Стоит ли нам пробиваться к «зоне защиты», то есть к спасению души, или же лучше прорваться к финишной черте социальной гармонии? Надо ли выбирать такую цель, как реинкарнация? Или бегство из замкнутого круга жизни, смерти и перерождения?

Насущные вопросы

Каждый год я объясняю своим старшекурсникам, что для студентов существует два достойных пути. Один из них – предпрофессиональная подготовка, подготовка к карьере, которая обеспечит им еду на столе и крышу над головой. Второй, более личный, – поиск насущных вопросов, достойных того, чтобы задать их, вопросов, ответы на которые нельзя найти ни за семестр, ни в течение всей жизни (и не одной). Как возникает что-либо? Как оно прекращает свое существование? Как происходят изменения? Каким образом что-то остается неизменным? Что такое «я»? Кто или что такое «Бог»? Что происходит, когда мы умираем? С той же предсказуемостью, с какой осень сменяет лето, младшекурсники приносят в аудитории насущные вопросы такого рода. И с той же предсказуемостью многие преподаватели пытаются направить внимание студентов на вопросы попроще, которые можно охватить за одну часовую лекцию, задать на выпускном экзамене и ответить на нем же. Но студенты правы: по крайней мере, в данном случае «сложнее» значит «лучше».

Прежде чем я начал признаваться, что запутался в религиозных вопросах, мне казалось, что на самые насущные из них я знаю ответы. Теперь же мне известно, что я не знаю даже, как правильно сформулировать сами вопросы. Мухаммаду приписывают изречение «верно заданные вопросы – половина учения», и если оно справедливо, значит, я был в лучшем случае недоумком²⁴. Сегодня я пытаюсь следовать совету немецкого поэта Райнера Марии Рильке и «любить сами вопросы», не в последнюю очередь – заданные американским мистиком Уолтом Уитменом:

...поведай о том, что видел,
Что врезалось в память тебе. Какие битвы,
Победы и поражения, осады навек ты запомнил?²⁵

(Пер. М. Зенкевича)

Существуют всевозможные причины для попыток повысить свою религиозную грамотность. Одна из них – гражданская. Невозможно понять город, страну или мир, не принимая во внимание колоссальное влияние религии, какую бы направленность оно ни имело. Есть также личные причины культивировать религиозную грамотность, в том числе тот факт, что изучение мировых религий дает возможность вступить в увлекательный, продолжающийся тысячелетиями диалог о рождении и смерти, вере и сомнении, осмысленности и путанице. Американский философ Ричард Рорти называл религию «стопором для разговоров», и действительно, кому не случилось постучаться в эту дверь и увидеть, как разговор упирается в незабываемые утесы догматов?²⁶ Но вместе с тем религия служит и завязкой для разговоров. Мы, люди, задаем вопросы. Мы хотим знать, почему. От этого зависит наше счастье (и, конечно, наши беды). Изучать великие религии – значит стоять рядом с Иисусом и Буддой, Мухаммадом и Моисеем, Конфуцием и Лао-цзы, значит с любопытством и трепетом обратиться к целому миру проблем, значит переходить, как при любом разговоре, от темы к теме, от вопроса к вопросу. Зачем мы здесь? Куда мы движемся? Как живем? Есть ли Бог? А зло? А мы?

Когда меня спрашивают, как я стал преподавателем религиоведения (а это и вправду необычная профессия), обычно я отвечаю, что узнал о религиоведении как раз в то время, когда утрачивал христианскую веру своей юности, и что эта наука дала мне возможность заниматься религиозными вопросами, по-прежнему увлекавшими меня, не претендуя на то, что хоть какие-то ответы будут даны в ближайшее время. Когда же, перефразируя Блаженного

Августина, я стал «вопросом для себя», то обратился и к другим, еще более насущным вопросам, так и начался мой непрекращающийся диалог с великими религиями²⁷.

Одно из самых распространенных заблуждений, касающихся мировых религий, заключается в том, что они якобы проникают на одинаковые глубины, задаются одними и теми же вопросами. Это не так. Только те религии, которые считают Бога благом, спрашивают, как добрый Бог допустил гибель миллионов людей во время цунами. Только религии, для которых характерна вера в существование души, спрашивают, существует ли душа до рождения человека и что происходит с душой после его смерти. И только религии, считающие, что у нас на всех одна душа, спрашивают о «душе» в единственном числе. Но все религии задаются вопросами о положении и состоянии человека. Вот мы, существующие в человеческом теле. Что теперь? Что дальше? Какими мы должны стать?

Изучать великие религии – значит стоять рядом с Иисусом и Буддой,
Мухаммадом и Моисеем, Конфуцием и Лао-цзы

В этой книге исследуются разные ответы, предлагаемые каждой из мировых религий на вопросы, которыми она задается. Цель книги – показать, как жизнь исповедующих ту или иную религию соответствует самым насущным из этих вопросов, и подсказать, как могла бы наша жизнь соответствовать этим вопросам, не в последнюю очередь обманчиво простому и при этом сложному: как стать человеком.

Глава 1

Ислам: путь подчинения

Намаз (с. 40) Пять столпов веры (с. 43) • Джихад (с. 46) • Аллах (с. 48) • Мухаммад (с. 50) • Коран (с. 53) • Шариат (с. 61) • Сунниты и шииты (с. 63) • Исламизм (с. 65) • Прогрессивные и умеренные мусульмане (с. 67) • Суфизм в трезвости и во хмелю (с. 70)

Большинство европейцев и североамериканцев никогда не встречались с мусульманами, поэтому для них ислам начинается в воображении, а конкретно – в том уголке воображения, где гнездится страх. Они смотрят на ислам сквозь завесу, наброшенную им на глаза много веков назад христианами-крестоносцами, стремившимися осудить ислам как религию насилия, ее основателя Мухаммада – как воина, а священную книгу Коран – как текст гнева. Буддизм ассоциируется с Далай-ламой и Нобелевской премией мира, которой он был удостоен, а ислам – с Усамой бен Ладеном и его боевым оружием. Ислам – это пакистанские женщины, пленницы черной паранджи, лидеры «Талибана», взрывающие в Афганистане древние статуи Будды, саудовские террористы, угоняющие самолеты и уничтожающие тысячи ни в чем не повинных людей во славу Бога и его девственников.

На протяжении веков ислам периодически становился навязчивой идеей Запада и не только в воображении. Мусульмане отняли у христиан Иерусалим в 637 году н. э., крестоносцы вновь завоевали его в 1099 году, Саладин захватил во славу ислама в 1187 году, а британцы вернули христианскому миру в 1917 году. Но в современное западное сознание ислам ворвался с возвышением аятоллы Хомейни во время исламской революции в Иране 1979 года и с захватом в Тегеране 52 сотрудников дипломатической службы США, которых продержали в плену 444 дня и освободили в 1981 году. После 11 сентября жаркие споры об исламе ведутся повсюду в мире. Какую роль сыграла исламская религиозность, как мотивировала террористов угнать четыре самолета и уничтожить почти три тысячи человек? Действительно ли ислам – религия террора? Участвуют ли христианство и ислам в настоящее время в конфликте цивилизаций? Или же мусульмане мирно сосуществуют с иудеями и христианами как отпрыски одной трояственной семьи религий?

Наше отношение к исламу определяется нашим коллективным невежеством. Мы не в состоянии считаться с этой религией потому, что почти ничего о ней не знаем

К сожалению, этот животрепещущий разговор редко выходит за рамки перебранки, словно мячиком для пинг-понга, всем известными клише, разговор, в котором одна сторона утверждает, что ислам – религия мира, а другая – что ислам является религией войны. Одна сторона игнорирует отрывки из Корана и исламские традиции, с помощью которых оправдывали войны против «неверных» (неверующих), в то время как другая игнорирует существующий в исламе запрет на убийство женщин, детей, гражданского населения и собратьев-мусульман (сотни которых погибли в башнях-близнецах 11 сентября). Причина этого игнорирования – наше коллективное невежество. Мы не в состоянии считаться с исламом потому, что почти ничего о нем не знаем. Тем не менее, когда моих соотечественников просили охарактеризовать ислам одним словом, их коллективное воображение неизменно рождало такие определения, как «фанатизм», «радикализм», «строгость», «насилие» и «терроризм»¹. В Германии, Испании и Великобритании большинство населения убеждено, что попытки быть набожным мусульманином и жить в современном обществе неизбежно сопровождаются фундаментальным конфликтом².

После 11 сентября была предпринята поспешная попытка переосмыслить иудео-христианскую традицию как иудео-христианско-мусульманскую. У ислама действительно много общего с его предшественниками. Иудеи, христиане и мусульмане – «люди Писания», верующие в единого Бога, который обращается к своему народу посредством пророков. Само выражение «люди Писания» заимствовано из ислама (Ахль аль-Китаб), где им названы иудеи и христиане как братья и сестры в Аллахе. У священных писаний этих трех великих религий насчитывается много общих ключевых концепций. Чаще всего упоминаемые атрибуты мусульманской веры – вера в единого Бога, ангелы, писание, пророки, Судный день, судьба – характерны также для иудаизма и христианства. Иудейская Библия, христианская Библия и Коран объединены также патриархом Авраамом, который, согласно всем трем традициям, является основателем монотеизма.

Однако отношения между отпрысками в этом авраамическом семействе в лучшем случае неблагоприятны. В одном из канонических эпизодов своей жизни, в «ночном переносе» (или «ночном путешествии») из Мекки в Иерусалим, Мухаммад, по его утверждению, молился вместе с Авраамом, Моисеем и Иисусом. Но способны ли иудеи, христиане и мусульмане уживаться подобным образом? Или они обречены быть заклятыми врагами в кровопролитном конфликте цивилизаций? После 11 сентября президент Джордж Буш и британский премьер-министр Тони Блэр неоднократно называли ислам религией мира, но представитель христианского возрождения Фрэнклин Грэм утверждал, что ислам – «чрезвычайно злая и порочная религия», а телепроповедник Джерри Фолуэлл осуждал Мухаммада как «террориста»³. Мусульманские общины мира отреагировали на события 11 сентября, осуждая эти преступления как антиисламские, подчеркивали общность мусульман с иудеями и христианами, хотя исламские джихадисты заявляли, что иудеи и христиане – неверующие, заслуживающие смерти в этой жизни и вечных мук в следующей.

События 11 сентября 2001 года свели разговоры об исламе к вопросам войны и террора. Но при любом обсуждении ислама следует помнить, что слово «ислам» родственно другому – «салям», то есть «мир». Мусульмане приветствуют друг друга словами «ассаляму алейкум» («мир вам») и отвечают на это приветствие «ва-алейкум ас-салям» («и вам мир»). Однако слово «ислам» означает «подчинение», «капитуляция». Следовательно, ислам – путь подчинения, а мусульмане – «подчиняющиеся», которые стремятся к миру в этой и в следующей жизни, вверяя себя единственному истинному Богу. Об этом свидетельствует в первую очередь то, что они падают ниц во время молитвы. «Ты падаешь ниц, или тебе не дает гордыня?» – спрашивает эта традиция. «Масджид», арабское название мечети, дословно означает «место преклонения». У тех, кто верен этому обычаю, появляются на лбу отметины, названные в Коране «следами от земных поклонов» (48:29)⁴.

Намаз

Пять раз в день, 365 дней в году, на протяжении *более* чем тысячи лет мусульмане внимают призыву на молитву, исходящему от мечетей и минаретов в больших и малых городах планеты. Этот призыв, азан, почти всегда звучит на арабском языке, так как, по мнению мусульман, именно на арабском Бог даровал свое последнее откровение, Коран, своему последнему пророку, Мухаммаду. В разных странах мусульманского мира азан слегка варьируется, в том числе и в течение дня. К примеру, до зари в нем звучит напоминание о том, что «молитва лучше сна». Вот азан в наиболее общем виде:

Аллах Превелик,
Аллах Превелик,
Аллах Превелик,
Аллах Превелик,
Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха
Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха
Свидетельствую также, что Мухаммад – посланник Аллаха
Свидетельствую также, что Мухаммад – посланник Аллаха
Спешите на молитву
Спешите на молитву
Спешите к процветанию¹
Спешите к процветанию
Аллах Превелик
Аллах Превелик
Нет Божества, кроме Аллаха

Свыше миллиарда человек, примерно одна пятая часть населения Земли, считают себя мусульманами, по численности приверженцев ислам уступает только христианству. Как и христианство, ислам обычно относят к западным религиям, он преобладает в таких ближневосточных странах, как Иран, Ирак и Афганистан. Однако большинство мусульман мира живет в Азии. В Индонезии больше мусульман (примерно 178 миллионов), чем в любой другой стране, в три раза больше, чем в

Саудовской Аравии, Афганистане и Ираке вместе взятых. Следующие за Индонезией места занимают еще три азиатские страны: Индия, Пакистан и Бангладеш. Из десяти стран с наибольшей долей мусульманского населения лишь две, Египет и Иран, относятся именно к Ближнему Востоку. Три (Нигерия, Алжир и Марокко) – африканские (как и Египет, разумеется). Оставшаяся страна, Турция, частично расположена в Азии, на Ближнем Востоке, и в Европе⁵. В центральноазиатских государствах – Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане (Киргизии) мусульмане составляют большинство. В Европе к странам с мусульманским большинством относятся Албания, Босния-Герцеговина и Косово и, кроме того, небольшие, но быстро растущие мусульманские общины есть повсюду в Европе и Северной Америке.

По некоторым оценкам, почти 20 % людей, которых ввозили в США в качестве рабов, были мусульманами, но ислам впервые стал заметным в стране благодаря организации «Нация ислама» (NOI), которая завербовала и политического активиста Малькольма Икс, и боксера Мухаммеда Али, добившись нетрадиционного сочетания негритянского национализма и

¹ Эту фразу в русскоязычных источниках часто переводят как «спешите к спасению». – *Прим. пер.*

ислама. После того, как в 1975 году умер Элайджа Мухаммад, возглавивший «Нацию ислама» после таинственного исчезновения ее основателя Уоллеса Д. Фарда в 1934 году, организация продолжала существовать во главе с сыном последнего, У.Д. Мухаммадом, двигаясь в сторону суннитского ислама основного направления. После того, как У.Д. Мухаммад распустил NOI, Луис Фаррахан воссоздал ее, тем не менее сегодня подавляющее большинство афроамериканских мусульман в США – представители суннизма основного направления, а не члены «Нации ислама».

Стремительный рост исламских общин в Европе вызвал ряд споров, касающихся свободы слова и обязательного ношения хиджаба мусульманками. Если во Франции хиджаб в государственных учебных заведениях запретили по причине отделения церкви от государства, в Швеции его разрешили носить во имя свободы вероисповедания. Между тем отношения мусульман и немусульман становятся напряженными во многих европейских странах. Недавнее исследование показало, что большинство взрослого населения Нидерландов отрицательно относится к исламу. Согласно другому исследованию, большинство мусульман в Германии убеждены, что европейцы враждебно относятся к ним. Тем временем значительная часть мусульман и немусульман сообщает, что отношения между мусульманами и жителями Запада «в целом плохие»⁶.

Ислам представлен также в американской и европейской поп-культуре. Если буддистов в кино обычно изображают в позитивном ключе – вспомните «Кундун» и «Семь лет в Тибете», – то мусульманам почти всегда достается роль «плохих парней». Есть и положительные персонажи – шериф Али Омара Шарифа в «Лоуренсе Аравийском» и Азим Моргана Фримена в фильме «Робин Гуд: принц воров» – но в боевиках мусульман обычно изображают людьми, которые только совершают намаз и убивают, не обязательно в таком порядке⁷.

Я никогда не слышал азан в кинофильмах, зато слышал, как он звучит на четырех континентах. Но нигде он не удивлял меня так, как в Иерусалиме, где, как мне показалось, он звучит повсюду. Я слышал его, стоя у Стены Плача (Западной Стены). Я слышал его, находясь в храме Гроба Господня. Я слышал его, входя через Дамасские ворота в мусульманский квартал Старого города. И каждый раз я вспоминал, насколько близки западные монотеистические религии в одном из самых оспариваемых городов, как отчетливо и постоянно они слышат друг друга, и в какой степени ислам – религия, которую на протяжении веков распространяли устно, речами и звуками.

Если буддистов в кино обычно изображают в позитивном ключе, то мусульманам почти всегда достается роль «плохих парней»

На азан, который в наши дни передают по телевидению и интернету, мусульмане реагируют всевозможными способами. Одни игнорируют его. Другие следуют призыву под настроение. Но тот, кто соблюдает обряды, бросает готовить пищу, вести машину и работать и посвящает молитве время на рассвете, в полдень, в послеполуденное время, на закате и ночью. Готовясь к намазу, эти люди совершают омовение, очищаются от жизненной скверны, поворачиваются лицом к Мекке – священному городу ислама, склоняют головы, говорят о своем намерении совершить молитву и обещают молиться именем Аллаха и только его одного. После этого они начинают наполнять воздух священными звуками.

Древний танец молитвы мусульмане исполняют всем телом: встают, кланяются, простираются ниц, садятся. Их ладони перемещаются сначала за уши, потом к торсу. Они наклоняются вперед от пояса, положив руки на колени и держа спину прямо. Потом снова встают. Они простираются в позе полного и абсолютного подчинения Аллаху, касаются земли коленями, ладонями, лбами и носами. Намаз продолжается, они чередуют позы сидя и простершись ниц на полу.

Нельзя продолжать эту молитву, сколько вздумается, фамильярно и неофициально болтая с Богом, как делают евангелические протестанты. Мусульмане, разумеется, могут обращаться к Аллаху по своим причинам, своими словами и на родных языках. Но пять ежедневных молитв, саят (произносимых вслух на рассвете, на закате и ночью, а также мысленно в полдень и после полудня), они повторяют на арабском именно так, как повторяли веками, начиная со слов «Аллаху Акбар» – «Бог велик». После этого поклоняющиеся говорят о благословенности и возвышенности Аллаха над всеми. Мухаммада называют его пророком и вестником, просят мира «праведным слугам Аллаха», воздают хвалу ангелам. Они просят Аллаха благословить «Мухаммада и народ Мухаммада», как Бог благословил «Авраама и народ Авраама».

После этого мусульмане читают самую распространенную из молитв ислама, мусульманский аналог «Отче наш», взятую из первой и наиболее известной суры, или главы, Корана, названной «Аль-Фатиха» («Открывающая Коран»):

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!
Хвала Аллаху, Господу миров,
Милостивому, Милосердному,
Властелину Дня воздаяния!
Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи.
Веди нас прямым путем,
путем тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех,
на кого пал гнев, и не заблудших. (1:1–7)

Пять столпов веры

В Женеве XVI века протестантский богослов Жан Кальвин сплел сложную теологическую паутину на двух простых нитях: абсолютном всевластии Бога и греховности человека. Подобно кальвинистам, мусульмане прилагают все старания, чтобы не смешивать Творца с сотворенными. Прославляя преклонение человека перед Аллахом, во многих случаях они называют себя «рабами» Всемогущего. Но в отличие от Кальвина, мусульмане не верят в первородный грех. От рождения каждый человек тянется к Богу и к благу. Поэтому к вопросу греха ислам не обращается. Не видит он и какой-либо необходимости в спасении от греха. В исламе проблемой считается самонадеянность, надменная уверенность в том, что можно обойтись и без Бога – единственного, кто самодостаточен. «Идол твоего «я», – пишет суфийский мистик Руми, – мать (всех) идолов»⁸. Замените этого идола подчинением Аллаху, и получите цель ислама: душу, «обретшую покой» (89:27) в этой жизни и в следующей, в раю.

Аллах требует от человечества не столько веры, сколько послушания

Коран неоднократно утверждает, что путь в рай вымощен верой и трудом – «тем, которые уверовали и совершали праведные деяния, уготованы Райские сады... великое преуспевание» (85:11), однако ислам тяготеет к иудаизму и отдаляется от христианства, делая акцент на ортопраксии (верных действиях), а не на ортодоксии (верном учении). В данном случае метод, способный увести от самонадеянности в рай – «исповедуйте религию» (42:13). Вновь и вновь Коран говорит о «верующих» и «неверующих», словно вера и есть ключ от рая, тем не менее эти две группы различаются действиями: «Которые совершают намаз и расходуют из того, чем Мы их наделили, они являются истинно верующими» (8:3–4). Разумеется, ислам – «путь знания», эта тема десятки раз упоминается в Коране⁹. В нем есть фрагменты, которые как будто бы ставят веру превыше практических аспектов ее исповедания. «Благочестие состоит не в том, чтобы вы обращали свои лица на восток и запад, – гласит один из них. – Но благочестив тот, кто уверовал в Аллаха, в Последний день, в ангелов, в Писание, в пророков...» Однако после этого плавного, но краткого перехода к ортодоксии даже этот отрывок заканчивается обращением непосредственно к практическим моментам: «...кто раздавал имущество, несмотря на свою любовь к нему, родственникам, сиротам, бедным, путникам и просящим, расходовал его на освобождение рабов, совершал намаз, выплачивал закят» (2:177). Словом, Аллах требует от человечества не столько веры, сколько послушания. Да, есть единственный Бог, но верить в него легко, поскольку небо и земля непрестанно воспевают ему хвалу. Труднее подчиниться Богу. «Бедуины сказали: «Мы уверовали», – гласит Коран. – Скажи: «Вы не уверовали. Посему говорите: «Мы покорились» (49:14).

В Европе и Северной Америке поклонники духовных исканий тратят много времени и сил на поиск практик, подходящих специально для их уникальной личности. Одних привлекает йога или медитация, других – тайцзицюань или песнопения. А в исламе основная практика – так называемые «пять столпов»¹⁰. Это метафора архитектурного характера, она ассоциируется со зданием, имеющим опоры по всем четырем углам и в центре.

Центральный столп, поддерживающий это сооружение, – шахада: «Свидетельствую, что нет Божества, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммад – Посланник Аллаха». Это провозглашение веры повторяется в призыве на молитву и в самих ежедневных пяти молитвах. Для того чтобы стать мусульманином, достаточно свидетельствовать приверженность этому кредо, провозгласив вслух обе его истины с пониманием и намерением, в идеале – в присутствии свидетелей.

Четыре столпа, поддерживающих углы данного здания, – саят (молитва), закят (пожертвование), саум (пост) и хадж (паломничество). Каждый день мусульмане пять раз прерывают

работу, чтобы помолиться, повернувшись в направлении Мекки. Они прекращают все дела, чтобы восславить Аллаха в мечети, дома, на рабочем месте. И у стоянок такси в лондонском аэропорту Хитроу, и в офисных зданиях в Дубай можно увидеть, как мусульмане расстилают молитвенные коврики.

Для того чтобы стать мусульманином, достаточно вслух произнести шахаду

Кроме того, мусульмане обязаны делать пожертвования в пользу неимущих. В отличие от десятины, христианских пожертвований церкви, размер которых составляет 10 % доходов, размер закята зависит от имущества, и взимают его в пользу бедных. Как правило, мусульмане должны отдавать 2,5 % стоимости большинства видов имущества (за исключением личного – домов, машин и одежды), если оно превышает прожиточный минимум – нисаб.

Саум мусульмане соблюдают в месяц Рамадан, воздерживаясь от еды, питья, курения и секса с рассвета до заката. Это время должно быть посвящено чтению и слушанию Корана. Рамадан, знаменующий ниспослание Мухаммаду откровения, приходится на девятый месяц мусульманского года, но поскольку мусульмане пользуются не солнечным, а лунным календарем, даты Рамадана смещаются относительно григорианского календаря, которым пользуются на Западе.

Рамадан завершается праздником окончания поста Ид аль-Фитр (Ура-за-байрам), когда родственники собираются вместе, чтобы отведать угощение, помолиться, обменяться подарками. При Клинтоне в Белом доме организовали в 1996 году празднование Ид аль-Фитра, а первая в США почтовая марка с исламской тематикой, выпущенная всего за несколько дней до 11 сентября 2001 года, запечатлела и этот праздник, и Ид аль-Адха (Курбан-байрам) – празднование в честь готовности Ибрахима (для христиан и иудеев – Авраама) принести в жертву своего сына Исмаила (в христианских и иудейских писаниях – Исаака).

И наконец, при наличии физических и финансовых возможностей каждый мусульманин обязан раз в жизни совершить паломничество в Мекку. Хадж, который происходит каждый год в последние десять дней двенадцатого лунного месяца, доступен только мусульманам, которые после исполнения этой обязанности могут присовокупить к своему имени почетное дополнение «хаджи» («аль-хадж»). Хадж и прославляет, и скрепляет единство мусульман, – единство, которое символизирует одинаковая белая одежда, предназначенная для этого паломничества. Наиболее известный и чаще прочих появляющийся на фотографиях момент хаджа – молитва в святилище Каабы, главной святыне мусульманского мира. В каждой мечети есть михраб – ниша, которая указывает верующим, в какой стороне находится Мекка. В самой же Мекке все михрабы ориентированы на святилище Каабы. Мусульмане верят, что это святилище, содержащее черный камень, по-видимому, метеорит, было возведено Адамом и перестроено Авраамом. Его осквернили политеисты, правившие Меккой во времена юности Мухаммада. Но после того, как в 630 году н. э. Мухаммад и его последователи заняли Мекку, святилище было вновь освящено и предназначено для единственного истинного Бога¹¹.

Джихад

Среди терминов, относящихся к мировым религиям, нет более спорного и неоднозначного, нежели джихад. Буквально слово «джихад» означает «борьба», и мусульмане традиционно относят его к двум видам борьбы: к духовной борьбе против гордыни и самонадеянности и к физической борьбе против «дома войны», а именно – против врагов ислама. Вторая разновидность этой борьбы подразумевает разнообразие тактики, в том числе проповедование, наставление, стремление к социальной справедливости. И также может означать войну.

Обращение к отрывкам Корана, которыми экстремисты оправдывают свои преступления, становится настоящим испытанием для мусульман

Некоторые апологеты ислама пытались приуменьшить значение джихада и отделить ислам от исламских экстремистов, утверждая, что из двух видов борьбы высшей является борьба духовная. Один мусульманский коммерсант, с которым я познакомился в Иерусалиме, развил эту мысль, заявив, что джихад не имеет абсолютно никакого отношения к войне, потому что джихад – не что иное как личное стремление быть хорошим. «Уважительное отношение – это джихад, – объяснял он, – а мошенничество – не джихад». В Коране, добавлял он, война вообще не упоминается.

На самом деле в Коране есть упоминания о войне, притом неоднократные.

В одном фрагменте Коран предписывает мусульманам «сражаться», «убивать» и «изгонять» в двух соседних фразах (2:190–191), а чуть дальше утверждает, что сражаться мусульманам «предписано... хотя это вам неприятно» (2:216). Вопрос о том, что лучше для религиозного текста – в целом игнорировать войну (по примеру христианского Нового Завета) или старательно регулировать ее (по примеру Корана) – остается открытым, однако важность темы сражений и убийств в Коране и мусульманском законе бесспорна. Так что если и некорректно переводить слово «джихад» как «священная война», общий смысл этой борьбы и в Коране, и в современной деятельности мусульман остается и духовным, и воинственным.

Нешуточной задачей для приверженцев любой религии становятся борьба с элементами их традиции, с помощью которых оправдывались злодеяния, и закрепление ассоциаций между этими элементами и благом. Многие христиане пренебрегают новозаветными отрывками, где в смерти Иисуса обвиняют иудеев. Но поскольку некоторые христиане обращаются к тем же отрывкам, чтобы оправдать ненависть по отношению к иудеям, гонения на них и убийства, возникает необходимость осторожно обращаться с этими словами, лишая их антисемитских коннотаций. Так и для мусульман испытанием становится обращение к отрывкам Корана, которыми экстремисты ранее оправдывали неправомерные убийства. Это испытание пытаются выдержать многие мусульмане. Террористам-смертникам они напоминают, что Коран однозначно осуждает самоубийство – «не убивайте самих себя» (4:29) и грозит адом тем, кто ослушается. Тем, кто убивает женщин и детей, указывают, что Коран осуждает массовые убийства (5:32) и настаивает на соразмерности действий (2:194). С VII века исламский закон активно и решительно встает на защиту прав гражданского населения¹².

Согласно недавним исследованиям, большинство мусульман Нигерии, Ливана и Турции отказываются признавать законность действий террористов-смертников, даже когда они действуют в защиту ислама. Увы, во всех этих странах существенное меньшинство (42 % в Нигерии, 34 % в Ливане и 16 % в Турции) убеждено, что теракты, совершенные смертниками, оправданны. На Палестинских территориях 70 % мусульман считают, что действия террористов-смертников соответствуют критериям законности и справедливости¹³.

Отмечая, как акцентируют внимание на джихаде исламские экстремисты и западные неоконсерваторы, можно подумать, что это одно из основных понятий ислама. Отнюдь. Как сви-

детельствует шахада, три ключевых слова исламской традиции – Аллах, Мухаммад, Коран. Чтобы увидеть мир таким, каким воспринимают его мусульмане, надо взглянуть на него через эти три призмы.

Аллах

«Аллах» – по-арабски «Бог», следовательно, арабоязычные мусульмане, равно как и арабоязычные христиане, называют бога Аллахом, что буквально означает «Бог» («аль-илях»). Определенный артикль «аль» указывает, что Бог один, и мусульмане подчеркивают его единственность словом «таухид» – «единобожие». Разумеется, и христиане монотеисты, но их монотеизм можно назвать «облегченным», поскольку единственный Бог предстает как Троица: Отец, Сын и Святой Дух. Исламский монотеизм строже. Подобно иудеям, мусульмане отвергают индуистскую и христианскую идею воплощения Бога в человеческом теле. Кроме того, мусульмане поддерживают иудеев в отказе от визуальных образов Бога на земле на том основании, что такие образы, которым не под силу запечатлеть божественную реальность, побуждают нас к идолопоклонничеству. Для мусульман Бог абсолютно и всецело

трансцендентен, он выходит за рамки всех представлений человека о нем. Поэтому если в западном искусстве до недавнего времени преобладал образ Христа, то центром исламского искусства оставалась каллиграфия, в частности, изображение арабских букв Корана.

Мусульмане поклоняются божеству, к которому неприменимы гендерные категории, – оно ни мужского, ни женского пола

Имен Бога в Коране – легион. В Бисмилла (Басмала), фразе, которой начинаются все суры Корана, кроме одной (девятой), Аллах назван Милостивым и Милосердным. Повсюду в Коране Аллаха называют Прощающим, Великодушным, Любящим, Всесильным, Вечным,

Сведущим, Карающим и Справедливым. В одном отрывке говорится, что он – «Властелин, Святой, Пречистый, Оберегающий, Хранитель, Могущественный, Могучий, Гордый» (59:23). Мухаммад неоднократно повторял, что у Аллаха девятьно девять имен. Некоторые мусульманские мыслители делят этот список на фемининные «джалаль» (имена красоты) и маскулинные «джамаль» (имена величия). Но в отличие от многих христиан, относящих Бога к мужскому полу, мусульмане поклоняются божеству, к которому неприменимы гендерные категории, – оно ни мужского, ни женского пола.

При таком акценте, которого удостаивается таухид, неудивительно, что самой чудовищной ошибкой с мусульманской точки зрения оказывается ширк. Это слово, которое зачастую переводят как «идолопоклонничество», относится к любым верованиям и обрядам, не принимающим во внимание единство и уникальность Бога. Многобожие – это ширк, как и уподобление Бога чему-либо, что не является Богом. Ширк – это беспокойство в первую очередь о деньгах, власти, народе. Мнения мусульман расходятся: одни считают, что вера в христианскую Троицу – ширк, другие – что это менее тяжкое проявление куфра (неверия), но в любом случае ее следует избегать. В исламе Иисуса чтят как пророка; каллиграфические надписи Купола Скалы в Иерусалиме содержат все коранические фрагменты, в которых упоминается Иисус. Но мусульмане настаивают на том, что он не был ни Спасителем, ни Сыном Божьим. В сущности, цель надписей Купола Скалы – утвердить истинность таухида над ошибочностью Троицы. «Нет бога, кроме Бога. Он един. У него нет сопровождающих», – утверждают эти надписи и добавляют, что поскольку у Аллаха нет ни спутников, ни детей, нам не следует называть его Троицей. Или, как наставляет Коран, «Скажи: «Он – Бог Единый, Бог Самодостаточный. Он не родил и не был рожден, и нет никого равного Ему» (112:1–4).

Мухаммад

В книге «100 самых влиятельных личностей в истории» первое место досталось Мухаммаду (570–632 годы н. э.)¹⁴. Это небесспорный выбор. У христианства почти вдвое больше приверженцев, чем у ислама, однако Мухаммад опередил Иисуса, занявшего второе место. Как это могло случиться?

Во-первых, Мухаммад сделал для ислама больше, чем Иисус – для христианства. Иисус был великим религиозным учителем, но предоставил Павлу (занявшему шестое место) основать и укоренить христианство, распространить учения Иисуса. Если Иисус и писал что-нибудь, его письменное наследие не сохранилось, в то время как Павлу приписывают авторство почти половины книг Нового Завета. В исключительно религиозном отношении Мухаммад выполнил работу и Иисуса, и апостола Павла вместе взятых. Во-первых, он был и харизматичным, и административным лидером. Он основал ислам, и хотя мусульмане считают, что Коран он не писал, именно он был пророком, посредством которого это откровение пришло в мир. Современные мусульмане воспринимают Мухаммада как образец для подражания. Хадисы, священное собрание его высказываний и описаний поступков, по авторитетности уступающее только Корану, давно легло в основу исламского закона (шариата). В тех случаях, когда христиане спрашивают: «Как поступил бы Иисус?», мусульмане задаются вопросом: «Как поступил бы Мухаммад?»

Во-вторых, Мухаммад также был выдающимся политическим и военным деятелем, законодателем, дипломатом и военачальником. В отличие от Иисуса, который ни разу не был женат, и Будды, который оставил свою жену, Мухаммад осуществлял всю свою деятельность, поддерживая обширные связи семьи, в которой к моменту его смерти было девять жен. Мухаммад стал единственным человеком, добившимся такого сочетания духовного и мирского успеха. Как пишет один восхищенный поклонник-мусульманин, «он был религиозным учителем, социальным реформатором, нравственным наставником, политическим мыслителем, военным гением, административным титаном, преданным другом, прекрасным компаньоном, верным мужем, любящим отцом в одном лице»¹⁵. Очевидно, это речи верующего человека, но даже сторонние наблюдатели видели, что Мухаммад был носителем как новой религии, так и нового политического и экономического порядка.

В исключительно религиозном отношении Мухаммад выполнил работу и Иисуса, и апостола Павла вместе взятых

Если Иисус отвергал меч, то Мухаммад возглавлял армии. Иисус сторонился политики, а Мухаммад правил обширной империей, к моменту его смерти занимавшей большую часть Аравийского полуострова. Более того, священные писания, принесенные в мир Мухаммадом, охватывали более широкий круг вопросов, чем вдохновленный Христом Новый Завет. Обращаясь к социальным вопросам в той же мере, что и к духовным, Коран говорит о молитве и провидении, браке и разводе, кормлении грудью и менструации, одалживании денег и законе.

Ввиду невиданных достижений Мухаммада неудивительно, что некоторые мусульмане называют свою религию «магометанством» (от ранее принятой формы записи имени пророка – Магомет). Но в этом случае они заходят слишком далеко. Если христиане поклоняются Иисусу как Богу, то мусульмане неизменно повторяют, что Мухаммад был всего лишь человеком. В исламе только один Аллах, человеческого облика он не принимает.

Как отмечал религиовед Уилфред Кантуэлл Смит, наиболее близкий к Иисусу аналог в исламе – не Мухаммад, а Коран. Для христиан даром Божиим, посланным в мир, является Иисус в человеческом облике. Для мусульман таким даром является Коран, выраженный арабским языком. Так что Мухаммад, которого традиция считает не знавшим грамоты, подобен

скорее Деве Марии, чем ее сыну. Если Слово Божие в облике Иисуса пришло в мир через чистый сосуд – непорочную Деву, то Слово Божие в облике Корана пришло в мир через иной чистый сосуд – мужчину, который никогда ничего не читал и не писал. Следовательно, чтение Корана подобно христианской Евхаристии. Таким образом принимаешь божественное в себя¹⁶.

Родившийся в Мекке и осиротевший еще в детстве Мухаммад был уже сорокалетним купцом, женатым на Хадидже, женщине старше его,

когда Бог впервые явился ему в пещере Хира на горе неподалеку от Мекки. В этом месте, куда Мухаммад удалялся для молитв и размышлений, ангел Джабраил (Джибрил) нарушил его идиллию повелением: «Читай!» Мухаммад пришел в ужас. Но читать все-таки начал, и эти откровения продолжались с 610 года почти до его смерти в 632 году.

Но летоисчисление в исламе ведется не от этих чтений, а от даты образования мусульманской общины в 622 году. В этом году Мухаммад и его первые последователи бежали из Мекки, где его критику местных политеистических традиций встретили насмешками, в Ясриб, ныне известный как Медина. Там беглецы создали первое мусульманское сообщество – умма. Сегодня это переселение, называемое Хиджрой, служит началом отсчета в мусульманском календаре, в котором годы исламского периода обозначаются сокращенно «г. Х.», то есть «год Хиджры».

Наиболее близкий к Иисусу аналог в исламе – не Мухаммад, а Коран. Для христиан даром Божиим, посланным в мир, является Иисус в человеческом облике. Для мусульман таким даром является Коран

После смерти Мухаммада в 632 году н. э. (или 10 году Хиджры) споры о том, кто станет его преемником, вызвали раскол ислама на два основных направления – суннизм и шиизм. Однако к концу VII века молодая религия получила поразительное распространение: на восток по оставшейся части Аравийского полуострова, на запад в Египет и до самого Триполи, на север до Иерусалима, на территории современных Ирана, Ирака и Афганистана. К 750 году, когда майя еще строили Чичен-Ицу, мусульмане продвинулись по Северной Африке, достигли современных Испании и Португалии, распространили свое влияние до Аральского моря и Самарканда – города на Великом шелковом пути. На заре современной эпохи, в XVI веке, три выдающиеся династии возвели ислам на вершину его величия: Османская с центром в Стамбуле, охватывающая священные земли от Мекки, Медины и Иерусалима до Египта, Северной Африки, Ирака и юго-востока Европы; Сефевиды в современном Иране; и Моголы, правившие современной Индией. Эта эпоха мирового господства закончилась с возвышением Британской империи в XIX веке и распадом Османской империи в 1918 году. Мир и по сей день носит заметный отпечаток этих исторических изменений.

Коран

Распространяясь и приобретая характер глобальной религии, ислам по-прежнему был связан корнями с арабской культурой, со священными городами Меккой, Мединой и Иерусалимом и с арабским языком Корана. Если отношение христиан к авторитетности Библии варьируется чрезвычайно широко, то практически неизменным для мусульманской веры остается догмат, согласно которому Коран – совершенное, ничем не искаженное и не подлежащее переводу слово Бога. Оно записано не Мухаммадом, а Аллахом, который передал свои слова ангелу, тот поведал их Мухаммаду, а тот, в свою очередь, прочел их спутникам (а не записал их собственноручно). Если есть желание узнать изречения Бога – вот они, записанные слово в слово. Следовательно, Коран – священное писание только на арабском языке (в отличие от христианского мира, переводы Корана в счет не идут).

Слово «Коран» означает «чтение вслух» или «назидание»; первыми словами, явленными Мухаммаду, были следующие: «Читай во имя твоего Господа, Который сотворил все сущее, сотворил человека из сгустка крови» (96:1–2)¹⁷. Так что в отличие от «Книги Мормона» (переписанной, как принято считать, с золотых листов или табличек), это писание изначально было устным и появилось в письменном виде лишь спустя долгое время после смерти Мухаммада. Сегодня Коран, конечно, представляет собой книгу. Но лишь около 20 % мусульман всего мира способны читать его по-арабски, и даже для них Коран, подобно Ведам для индуистов, – скорее звучание, нежели смысл. Поэтому, как и во времена Мухаммада, Коран чаще читают вслух, чем про себя. Он появляется в мире в виде волнообразных звуков, и нередко дети уже к десяти годам запоминают последовательности этих звуков от начала до конца. Те, кому это удается, пользуются особыми почестями, их называют «хафиз» (мужчин) или «хафиза» (женщина). В большей степени, чем «людьми книги» или «людьми Писания», мусульмане являются «людьми чтения вслух» – «аль-Куран».

Мусульмане верят, что Тора Моисея и Евангелие Иисуса были явлены Аллахом посредством его пророков. Вместе с тем они считают, что эти писания были искажены и уже не заслуживают доверия. Поэтому если христиане приняли Еврейскую Библию как свой Ветхий Завет, мусульмане не приняли ни иудейские, ни христианские писания. По мнению мусульман, только Коран безупречно сохранил слово Бога, заученное наизусть при жизни Мухаммада и позднее записанное так, как поначалу его читали вслух.

Коран – совершенное, ничем не искаженное и не подлежащее переводу
слово Бога

Коран – сравнительно небольшая книга. Размерами почти с христианский Новый Завет, она может быть прочитана всего за один день. В отличие от Нового Завета, Коран почти не содержит повествований. Его специализация – скорее учение и закон, нежели изложение сюжета. Он состоит из 114 глав – сур, каждой из которых дано название: первая называется «Открывающая Коран», вторая – «Корова». Как правило, суры расставлены по длине – от самой длинной до самой короткой. Официально Коран делится только на суры, однако ученые различают более ранние мекканские и более поздние мединские суры в зависимости от времени, в которое они были явлены. Момент, когда была явлена та или иная сура, имеет значение ввиду исламского учения об аннулировании или отмене, согласно которому более поздние суры могут отменять более ранние.

Тибетские буддисты утверждают, что в их религии мудрость южноазиатской школы тхеравада (теравада) сочетается с состраданием восточноазиатской школы махаяна. На нечто подобное претендуют и мусульмане. Если иудаизм – это в первую очередь закон, а христианство – духовность, говорят они, то Коран сочетает в себе и то, и другое. Более ранние и зача-

стью более короткие мекканские суры Корана посвящены преимущественно духовным вопросам, а более поздние и длинные мединские – социальным, политическим и экономическим проблемам, к примеру, браку, войне, азартным играм. Следовательно, ислам является образом жизни в той же мере, что и религией. Коран учит мусульман не только поклоняться Аллаху, но и давать займы деньги, делить имущество, заключать соглашения и наказывать преступников.

Наиболее часто повторяющийся социальный лейтмотив Корана – справедливость и бедность. Напоминая теологию латиноамериканской освободительной борьбы «преимущественные права – бедным», Коран формулирует принципы преимущественных прав для слабых, решительно и неоднократно высказываясь в защиту слепых, хромых и немощных. Благочестивые, согласно Корану, из любви к Аллаху «дают пищу беднякам, сиротам и пленным» (76:8).

Однако Коран прославляет не этот мир, а мир иной. Ислам делает акцент на жизни после смерти в большей мере, чем любая другая мировая религия. И действительно, трудно найти суру, в которой не упоминалась бы загробная жизнь. В сотнях аятов подробно рассказано об ужасах преисподней и великолепии рая, о наградах, ждущих мучеников, о порядке воскресения, о пророчествах и событиях судного дня. Не существует единого мнения, что означают все эти рассказы и как их следует понимать, в буквальном или переносном смысле, однако и рай, и ад описаны в Коране гораздо подробнее, чем в христианской Библии. В аду пламя и жажда, обугленная кожа и шипы; рай – сад с прохладной тенью, удобными ложами, полногрудыми девами, обилием плодов и, самое главное, с реками, полными воды, молока, вина и меда.

Ислам делает акцент на жизни после смерти в большей мере, чем любая
другая мировая религия

Коран неоднократно предостерегает о том, какие ужасы ждут тех, кто упорствует в своей гордыне и отказывается смириться перед Аллахом. Слова «предостережение» и «предостерегать» встречаются в Коране десятки раз, сам Мухаммад назван «предостерегающим» (38:4), а Коран – книгой, ниспосланной «предостеречь тех, которые поступают несправедливо» (46:12). Пророки постоянно повторяют, что нет защитника, кроме Аллаха, но эти предостережения остаются без внимания, вместо этого пророков обвиняют в выдумках и колдовстве.

Одна из основополагающих проблем, о которой повествует Коран, звучит так: «Нет божества, кроме Него. До чего же вы отвращены от истины!» (39:6). Нас отвращает не столько греховность, сколько забывчивость. Сократ под обучением понимал вспоминание: истины, которые, как нам кажется, мы усваиваем, мы на самом деле вспоминаем по прошлым жизням. Как правило, мусульмане не верят в реинкарнацию, но тоже рассматривают обучение как вспоминание. Все мы рождаемся мусульманами, утверждают они. Ни одному младенцу не приходит в голову считать себя самозародившимся или самодостаточным. Но по мере взросления мы становимся «высокомерными» (16:23) и забываем свою истинную природу. Коран убеждает нас одуматься, стряхнуть с себя эту забывчивость, напоминает о нашей полной зависимости от Бога и предлагает способы приучения к смирению. «Неужели вы не помяните назидающие?» – недоверчиво вопрошает Коран (45:23). «Не будьте подобны тем, которые забыли Аллаха» (59:19). Значит, Коран – не только откровение и чтение вслух, но и памятка – «Напоминание для миров» (68:52). Помните об Аллахе, убеждает он. Помните о пророках и священных книгах. Не забывайте заботиться о слабых и нуждающихся.

Читатели-иудеи и христиане, только начинающие знакомиться с Кораном, с удивлением обнаруживают в списке его персонажей Авраама, Адама, Каина и Авеля, Давида, Голиафа, Исаака, Измаила, Израиля, Иакова, Иисуса, Иоанна Крестителя, Иону, Иосифа, Марию, Моисея, Ноя, фараона, сатану, Саула и Захарию. В Коране Мария упоминается чаще, чем в Новом Завете. Тем не менее Коран кардинально отличается от христианской Библии. Здесь Адам грешит, но этот первородный грех не вменяется в вину нам, всем остальным. Следовательно, как

и в иудаизме, в исламе нет учения о первородном грехе, потому и Спаситель не отправляется на землю, чтобы смертью обеспечить нам искупление.

В вопросах отношений между мусульманами, иудеями и христианами Коран выглядит столь же противоречивым, как и общение этих групп при жизни Мухаммада. Коран гласит, что Аллах тот же Бог, что и Бог иудеев и христиан – «наш Аллах и ваш Аллах – один» (29:46, в переводе Пиктоллы), мусульманам рекомендуется не «вступать в спор с людьми Писания» (29:46). По меньшей мере один из отрывков Корана указывает, что, видимо, иудеи и христиане способны попасть в рай: «Воистину, верующим, а также иудеям, христианам... которые уверовали в Аллаха и в Последний день и поступали праведно, уготована награда у их Господа. Они не познают страха и не будут опечалены» (2:62). Во многих отрывках говорится, что иудейские и христианские пророки ниспосланы Богом и по меньшей мере два отрывка настаивают, что «мы не делаем различий между ними» (3:84 и 2:136).

Авраам (Ибрахим), к примеру, назван «ханифом (приверженцем монотеизма) и не многобожником», записано также, что «в Последней жизни он будет в числе праведников» (16:120, 122). Но здесь он выступает не иудеем, а скорее, претендующим на смену религии, поскольку «от того, кто ищет иную религию помимо ислама, это никогда не будет принято, и в Последней жизни он окажется среди потерпевших урон» (3:85).

Отправить иудеев и христиан в ад – одно дело, а ускорить их прибытие туда – совсем другое. Некоторые аяты Корана, так называемые «аяты меча» – «О те, которые уверовали! Сражайтесь с неверующими, которые находятся вблизи вас» (9:123) и «посему сражайтесь с помощниками дьявола» (4:76) – не только оправдывают войну с немусульманами, но и предписывают вести ее. Еще один противоречивый аят повелевает мусульманам «убивать многобожников, где бы вы их ни обнаружили, брать их в плен, осаждать их и устраивать для них любую засаду» – разумеется, если они не сменят веру: «Если же они раскаются и станут совершать намаз и выплачивать закят», то «отпустите их» (9:5).

После 11 сентября многие немусульмане впервые прочитали Коран. У некоторых он вызвал крайне противоречивые чувства

Вопросы этики – плоскость, на которой между мировыми религиями прослеживается наибольшее сходство. Но этика войны в Коране и в Новом Завете далеки друг от друга, как небо и земля. Если Иисус учит нас подставить другую щеку, то Коран наставляет: «Если кто посягнул на вас, то и вы посягните на него» (2:194). В Новом Завете не говорится о том, как следует вести войну. В отличие от него, Коран изобилует указаниями, относящимися исключительно к войне. В нем война допускается в целях самозащиты (2:190; 22:39), но тем, кто виновен в убийстве мусульман, грозит Геенна (4:93), а убийство военнопленных недвусмысленно осуждается (47:4). Вопрос о том, на какие отрывки писания следует полагаться – на те, которые призывают к войне, или на те, в которых выражена надежда, что войн не будет, – остается открытым, однако еще ни одна страна, большинство жителей которой исповедуют ислам, не сбрасывала на другую в условиях войны атомную бомбу.

После 11 сентября многие немусульмане впервые прочитали Коран. У некоторых он вызвал крайне противоречивые чувства. Когда я впервые читал Коран (в переводе), он показался мне слишком монотонным и повторяющимся. Мне хотелось, чтобы действие в нем хоть как-то развивалось. Я выискивал исторический контекст. Тем не менее некоторые элементы мне понравились. Понравились периодические краткие повторения имен Аллаха, сопутствующие почти каждой суре и дающие читателю возможность отдохнуть и перевести дух:

..знайте, что Аллах – Прощающий, Выдержанный...
..знайте, что Аллах – Слышащий, Знающий.
..знайте, что Аллах – Богатый, Достохвальный

(2:235, 2:244, 2:267)

Я убедился, что эта религия предназначена для того, чтобы усмирять трепет гордыни. Кроме того, мне понравились характерные для Корана вопросы – «Неужели вы не образумитесь?» (2:44), «Неужели вы не видите?» (31:20), – понравились несмотря на то, что на них редко даются ответы, а точнее, именно по этой причине.

Отдельные отрывки я счел прекрасными, особенно тем, как в них подобраны слова и выражены чувства: «У каждого есть сторона, куда он обращается лицом. Стремитесь же опередить друг друга в добрых делах» (2:148), и «устремись к своему Господу» (94:8). Моей любимой стала краткая поэтическая сура «Утро»:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!
Клянусь утром!
Клянусь ночью, когда она успокаивается (или покрывается
мраком)!
Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел.
Воистину, будущее для тебя лучше, чем настоящее.
Господь твой непременно одарит тебя, и ты будешь удовлетворен.
Разве Он не нашел тебя сиротой и не дал тебе приют?
Он нашел тебя заблудшим и повел прямым путем.
Он нашел тебя бедным и обогатил.
Посему не притесняй сироту!
И не гони просящего!
И возвещай о милости своего Господа (93:1-11).

Хотя я не верю, что эта жизнь – всего лишь генеральная репетиция следующей, что «мирская жизнь – всего лишь игра и потеха» (6:32), меня тронули строки о «прибытии» мусульман, верящих, что им будет явлен Бог (24:42). И наконец, мне очень понравился вызов, брошенный простым вопросом, вопросом самого ислама: «Неужели вы не станете мусульманами?» (11:14) Но признаюсь, притом с немалым сожалением, что мне совсем не понравилась тактика, примененная в тексте с тем расчетом, чтобы добиться от меня утвердительного ответа.

Одна из причин моего беспокойства – то, как крепко Коран оплетает гневом милосердие, в итоге кажется, что первый душит второе. Почти каждая сура Корана начинается с напоминания о том, что Аллах милостив и милосерден, нам неоднократно повторяют, что он прощает «тех, кто раскаялся, уверовал, стал поступать праведно, а потом последовал прямым путем» (20:82). Но так же часто нам напоминают об ужасах, уготованных «обитателям Пламени» (35:6). Я то и дело читал, что Аллах следит за мной, что мне надлежит бояться его, поскольку он «суров» (40:3) и «скор в наказании» (6:165), и что он обрушит огонь на нераскаившихся, неверующих, неправедных и исполненных гордыни.

Словом, Коран с начала до конца читается как проповедь, запугивающая огнем, серой и прочими адскими муками. Арабское слово, означающее страдания, наказания и кару, встречается в тексте сотни раз. В сущности, это одно из наиболее часто употребляемых в Коране слов. Так что любому читателю постоянно будут попадаться напоминания о «мучительных страданиях» (7:73), «унизительных мучениях» (22:57), «великих мучениях» (8:68), «мучениях в огне» (7:38) и «кипятке, причиняющем страдания» (44:48).

Если вспомнить, какой страх порождает исламофобия на современном Западе, нагнетание страха, на которое постоянно натыкаешься в тексте, внушает тревогу. Но как некогда писал иудейский философ Абрахам Хешель о гневе и ярости пророков Еврейской Библии, «каждая предсказанная катастрофа сама по себе призыв к покаянию»¹⁸. Великие чтецы Корана умели

доходчиво объяснить своим слушателям: их предостережения – на самом деле предостережения, предназначенные для того, чтобы привести нас к подчинению. Некоторые мусульманские мыслители даже полагали, что адские муки могут длиться не вечно, что наказание для попавших в ад наконец закончится, и они будут взяты в рай.

Разумеется, в своих призывах бояться Бога Коран не уникален. Христианские проповеди с запугиванием адскими муками имеют давнюю историю, а кораническое название ада, «Джаханнам», происходит от библейского «Геенна». Иудаизм и христианство изобилуют текстами, которые библеистка Филлис Трайбл называет «текстами ужаса». «Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя?» (Пс 138:21). В других отрывках Библия призывает к истреблению целых народов (Втор 20:16–18) и требует жестоких наказаний для непослушных детей (Втор 21:18–21), для родственников, уговаривающих служить иным богам (Втор 13:6–10), для прелюбодеев (Втор 22:22), для распутниц (Лев 21:9), для всех, кто работает в субботу (Числ 15:32–36).

Коран с начала до конца читается как проповедь, запугивающая огнем,
серой и прочими адскими муками

Тем не менее я, читая, замечал, что вздрагиваю и боюсь поперхнуться, как будто передо мной рассказ о блюдах с гноем и потоках кипятка, уготованных упорствующим во грехе. Несомненно, отчасти мое потрясение объяснялось воспитанием в духе христианских писаний. Меня приучили убавлять громкость, когда Иисус говорит о низвержении в ад целых городов (Мф 11:23), я уже не вижу (и не воспринимаю) «озеро огненное» (Откр 20:15) так живо и ярко, как у Микеланджело в «Страшном суде» или у Данте в «Божественной комедии». Тем не менее мне претило постоянно читать о лжецах, злодеях, лицемерах, неверующих и идолопоклонниках. Но признаюсь, во всей этой богобоязненности я уловил нечто живительное. На современном Западе звучит столько пустой болтовни о дружеских отношениях с Богом, что перспектива боязни Бога представляется почти неправомерной. То, что немецкий теолог Рудольф Отто некогда называл «*mysterium tremendum*», «великой тайной», вытеснено из божественности, а вместе с ней – и пророческая вероятность наказания для тех, кто упорствует в неправедности.

Помня о том, сколько веков подряд христиане критиковали характерное для ислама отношение к женщине, многие удивятся, наткнувшись на отрывки текста, свидетельствующие об отношении к мужчинам и женщинам как к равным: «Для мусульман и мусульманок, для верующих мужчин и верующих женщин, покорных мужчин и покорных женщин... Аллах уготовил прощение и великую награду» (33:35). Но невозможно обойти вниманием и печально известный отрывок из суры «Женщины», разрешающий мужьям бить своих жен (4:34). Почти также обескураживает и ряд аятов, в которых подразумевается, что их читатель мужского пола, как будто все писание адресовано не человечеству в целом, а только мужчинам:

«Если вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех. Если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь одной» (4:3).

«Ваши жены являются пашней для вас. Приходите же на вашу пашню, когда и как пожелаете» (2:223).

Читателей, настроенных на межконфессиональный диалог, могут особенно расстроить аяты, в которых мусульман призывают воздержаться от общения с друзьями-немусульманами. Один из моих друзей-мусульман толкует такие отрывки, как «о те, которые уверовали! Не считайте иудеев и христиан своими помощниками и друзьями» (5:51), с исторической точки зрения, указывая, что эти строки были явлены в те времена, когда иудеи и христиане нередко объединялись с племенами, враждебными Мухаммаду, следовательно, дружба с ними была равносильна предательству. Но теперь все обстоит иначе, говорит он, и дружба между мусульманами и немусульманами не только позволительна, но и настоятельно необходима. Еще одна

знакомая мусульманка считает, что в приведенных отрывках речь идет не о дружбе в современном понимании, а об отношениях покровителя и подопечного, о взаимной защите. По ее мнению, на самом деле эти аяты означают: «Не берите иудеев и христиан в защитники и не ждите от них поддержки»¹⁹.

Шариат

Из семи аспектов религии, перечисленных Нинианом Смартом, наиболее важную роль в исламе играет правовой. По сути дела, если в чем-то ислам приближается к иудаизму и отдаляется от христианства, так это в его акцентировании закона, а не теологии. Шариат, дословно – «правильный путь», – слово, которым мусульмане называют закон, и законы шариата, как их избыточно именуют на Западе, в той или иной мере приняты в последние годы в Иране, Судане, Саудовской Аравии и других странах ислама, в том числе в Афганистане в период власти «Талибана».

Исторически мусульмане не отделяли религиозное от мирского, поэтому шариат проникает во все сферы жизни – в семью, общество, экономику и политику. Он охватывает обрядовую и этическую стороны, а также уголовное право, налогообложение, общественный порядок. Та же надежная концепция относится и к загробной жизни и дает мусульманам наставления не только о том, как жить на Земле, но и как попасть в рай.

Фикх, или толкование шариата, основан и на Коране, и на хадисах, второстепенном корпусе текстов, представляющих собой тысячи изречений о словах и деяниях Мухаммада. Эти хадисы, собранные в VIII–IX веках в шесть чтимых суннитских сборников, охватывают и закон в мирском понимании этого слова, и ритуальные обязательства. Они затрагивают такие, казалось бы, приземленные вопросы, как подстригание бороды Мухаммадом, его любимую еду (мед и баранину) и еду, которую он терпеть не мог (чеснок и дыни). У шиитов есть свои хадисы, в которые также входят рассказы о жизни их духовных лидеров – имамов.

Но далеко не все хадисы в равной степени авторитетны. С каждым ассоциируется цепочка тех, кто передавал их из уст в уста – иснад, а также собственно содержание, или матн, и подлинность любого конкретного хадиса может оспариваться в связи и с первым, и со вторым. Если цепочка устных передатчиков от Мухаммада до того, кто записал хадис, сомнительна, к примеру, если кто-то из участников цепочки ненадежен, хадис может быть отвергнут. Если его содержание противоречит Корану, отвергнутым хадис может оказаться и в этом случае. Подлинность того или иного хадиса регулярно вызывает разногласия в мусульманских кругах²⁰.

Сторонним наблюдателям исламский закон нередко представляется неизменным и непреложным, однако сунниты и шииты расходятся по всевозможным правовым вопросам, а в самом суннитском направлении различают четыре основные школы права²¹. Как и приверженцы Римско-католической церкви, шииты придерживаются концепции централизованной религиозной власти, в их случае в лице имама. Сунниты децентрализуют религиозную власть и наделяют ею мусульманское сообщество в целом. Поэтому неудивительно, что правовые представления суннитов широко варьируются.

На Западе много говорят о фетве, или решении по какому-либо правовому вопросу, особенно с тех пор, как иранский аятолла Хомейни в 1990 году вынес фетву против писателя Салмана Рушди, а Усама бен Ладен в 1996 и 1998 годах – фетвы против присутствия войск США на священных землях Саудовской Аравии. Начав с коранической цитаты «уничтожайте неверных, где найдете их», бен Ладен в последней фетве назвал активность войск США на Аравийском полуострове «явным объявлением войны Аллаху, его пророку и мусульманам», а убийство американцев и их союзников – «личным долгом каждого мусульманина»²². К этому призыву прислушались лишь немногие мусульмане, потому что фетва имеет силу закона только для тех, кто признает авторитет законоведа, вынесшего это суждение, и по традиции, фетвы должны быть высказаны именно факихами, мусульманскими законооведами, а не мирянами, как бен Ладен. В 2005 году мусульманское духовенство в Испании обнародовало фетву, осуждающую «терракты, осуществленные Усамой бен Ладеном и его организацию «Аль-Каида», как «проти-

воречащие исламу»²³. По их мнению, бен Ладен был вероотступником, следующим не Корану, а выдуманному им самим закону.

Сунниты и шииты

Как видно на примере с осыпанием фетвами, толкований ислама существует множество. В исламе нет папы римского, который издавал бы неопровержимые и непогрешимые энциклики, поэтому шатер ислама служит приютом для многих теологических течений, в том числе фундаментализма и феминизма, легализма и мистицизма, прогрессивного и умеренного направлений. Но вероятно, самое основополагающее деление мусульманского мира противопоставляет суннитов, к которым относятся примерно 85 % мусульман, и шиитов, на долю которых приходится оставшиеся 15 %.

Смерть основателя оказывается серьезным испытанием для каждого вновь возникшего религиозного движения. В 1844 году в рядах мормонов произошел раскол, вызванный проблемой выбора преемника Джозефа Смита; Общество сознания Кришны было ввергнуто в хаос после смерти Свами Прабхупады в 1977 году. После смерти Мухаммада мусульмане раскололись по тому же ключевому вопросу власти. Большинство поддержало тестя Мухаммада, Абу-Бакра. Но меньшинство, утверждающее, что следующий лидер ислама должен быть кровным родственником Мухаммада, встало на сторону двоюродного брата и зятя пророка, Али.

Сторонников Али начали называть «Шиат Али» («приверженцы Али»), или, коротко, шиитами, а тех, кто поддержал Абу-Бакра, – суннитами (от сунны, то есть «традиций» или «предписаний»). Более широкие и глубокие расхождения возникли в вопросах о том, как следует руководить мусульманским сообществом. Сунниты наделяли

общественно-политической властью калифов, а первостепенную религиозную власть отдавали сообществу в целом. У шиитов общественная, политическая и религиозная власть была сосредоточена в руках лидера, которого они называли имамом. Арабское слово «имам» означает лидер, руководитель, в понимании суннитов – просто человек, который каждую неделю по пятницам проводит богослужения в собрании. Но у шиитов имам (который должен быть прямым потомком Мухаммада) возглавляет не просто общину, а все шиитское сообщество, и, по убеждению шиитов, чист и непогрешим.

От шиитского меньшинства откололось несколько ветвей, наиболее примечательные из которых – шииты-двунадесятники, преобладающие в Иране и на юге Ирака, и шииты-исмаилиты, влияние которых заметно в Индии и Восточной Африке. Двунадесятники – крупнейшее из шиитских направлений. Они верят в существование 12 имамов, из которых двенадцатый исчез («сокрытие») в 873 году н. э., и в то, что этот «сокрытый» имам явится в конце времен, как своего рода мессия и возглавит апокалиптическую битву между силами добра и зла. Меньшая исмаилитская ветвь отделилась в 765 году н. э. в результате споров о том, кто станет преемником шестого имама. Если большинство поддерживало сына шестого имама Мусу, то те, кто в дальнейшем стал исмаилитами, встали на сторону его сына Исмаила. Как и у двунадесятников, у исмаилитов имамы ведут свой род с древности до наших дней.

Каждая религия – «цепь памяти», и ключевым звеном этой цепи для шиитов является мученичество внука Мухаммада, Хусейна, погибшего в битве под Кербелой в Ираке в 680 году н. э.²⁴ Этот поворотный момент истории вспоминают каждый год во время мусульманского месяца мухаррама. На десятый день мухаррама, Ашура, верующими устраиваются постановки, повествующие о смерти Хусейна, наподобие христианских мистерий, представляющих страсти Господни. Напоминая о самобичеваниях кающихся католиков американского Юго-Запада, некоторые верующие бичуют себя в память о муках Хусейна. Несмотря на то, что разновидности этого религиозного праздника отмечают и сунниты, и немусульманское население островов Тринидад и Ямайка, особую важность он представляет для шиитов, многие из которых совершают каждодневный намаз, прижимаясь лбом к глине из Кербелы. Во время революции

в Иране с его преимущественно шиитским населением восставшие скандировали: «Каждый день – Ашура, повсюду Кербела».

Исламизм

В число недавних событий в мире ислама, наиболее пугающих как для мусульман, так и для немусульман, входит рост исламизма – радикальной формы политизированного ислама, заимствовавшей традиции мученичества, заложенные иудеями и адаптированные христианами, и придавшей им новое опасное направление.

Если ислам – религия, то исламизм – политическая программа, революционная по целям, утопическая по духу и радикальная во всех смыслах этого слова

Что такое исламизм, люди понимают по-разному, однако, как подразумевает суффикс «-изм», в первую очередь он относится к идеологии, антизападной и антиамериканской идеологии, применяемой для достижения политических целей такими организациями, как «Талибан» в Афганистане, «Хезболла» в Ливане, ХАМАС на Палестинских территориях и, конечно, «Аль-Каида». С идеологической точки зрения цель исламистов – очистить ислам от загрязняющего налета современности, что не в последнюю очередь означает присутствие войск США в Саудовской Аравии и государства Израиль – на Ближнем Востоке. Политическая цель исламистов – создание исламских государств (или транснационального халифата) в соответствии с их специфическими представлениями о мусульманском праве. Для достижения этих целей применяется различная тактика, но у некоторых исламистов она ассоциируется с насилием и даже терактами, которые совершают смертники.

Если ислам – религия, то исламизм – политическая программа, революционная по целям, утопическая по духу и радикальная во всех смыслах этого слова. Как любое другое движение, направленное на возрождение, исламизм стремится продвинуться вперед, делая шаг назад – в данном случае руководствуясь примером раннего ислама, что в понимании «Талибана» означает запрет на образование и работу для женщин. Хотя исламисты в своих взглядах обычно ссылаются на Коран и истоки ислама, исламизм, подобно другим формам фундаментализма, в действительности представляет собой современное изобретение, возникшее под явным влиянием западной идеологии, которой оно стремится противостоять. Наибольшее интеллектуальное влияние на «Аль-Каиду» скорее всего оказал египетский теолог Саид (Сайид) Кутб (1906–1966), призывавший своих последователей вести священную войну против секуляризма, демократии и Запада. Герои исламизма – так называемые мученики, которые в нарушение четких коранических запретов на суицид взрывают себя, в том числе и ради мгновенного переселения в рай. Злодеи и враги – Израиль и «большой сатана», то есть США, но исламисты также осуждают как нечестивцев и вероотступников братьев по вере, мусульман, которые толкуют ислам не столь радикальным образом.

Ультраконсервативные интеллектуальные движения, такие, как салафизм, имеют много общего с исламизмом, но вместе с тем отличаются от него и зачастую противостоят ему. Салафисты стремятся повернуть развитие своих религиозных традиций вспять, к чистому примитивному исламу первых мусульман – «салаф», или «благочестивых предков». Издевательским словом у них считается «бида», то есть «новшество».

Герои исламизма – так называемые мученики, которые в нарушение четких коранических запретов на суицид взрывают себя, в том числе и ради мгновенного переселения в рай

Одна из форм салафизма, официальная теология Саудовской Аравии ваххабизм, в начале XXI века получила глобальное распространение благодаря саудовским деньгам, на которые во всем мире строились новые мечети. В основе ваххабизма лежит строгое учение Мухаммада ибн Абд-аль-Ваххаба (1703–1792), мыслителя XVIII века, который также проти-

вился новшествами, но был одержим проблемой ширка. Согласно непререкаемой теологии ибн Абд-аль-Ваххаба, и христианство, и иудаизм – ширк, как и шиизм и мистическое течение ислама, суфизм. Ибн Абд-аль-Ваххаб выступал против шиитского обычая посещения усыпальниц Мухаммада и его сподвижников и даже уничтожил одну из этих святынь. Подобно салафизму, ваххабизм часто называют пуританским течением ввиду его строгого свода правил, стремления очистить религиозные традиции от различных примесей, а также из-за его цели – возвращения к чистоте ранних форм веры. Как и пуритане Новой Англии, которые не празднуют Рождество, ваххабиты не отмечают день рождения Мухаммада.

Исламисты твердо придерживаются убеждения, что мы наблюдаем столкновение цивилизаций, ислама и христианского Запада, но в действительности их деятельность отражает внутриисламскую культурную войну, столкновение между мусульманами, которые верят, что исламская традиция имеет в виду то, что гласит, когда речь идет о запрете на убийство женщин и детей, и мусульманами, которые в это не верят.

Прогрессивные и умеренные мусульмане

На другом конце политического спектра находится прогрессивный ислам – новое течение, особенно сильное в Европе и США. Прогрессивные мусульмане – непреклонные противники салафизма, ваххабизма и исламизма, но вместе с тем они осуждают империализм и колониализм. «Их задача, – пишет Омид Сафи, автор книги «Прогрессивные мусульмане» (Omid Safi, *Progressive Muslims*, 2003), – дать слово безгласным и власть безвластным»²⁵. Плюралисты до мозга костей, прогрессивные мусульмане приветствуют мнения не только собратьев по вере, но и приверженцев других религий. Несмотря на то, что в основе их мышления и поступков лежат традиционные исламские источники, такие, как Коран и хадисы, они также обращаются к латиноамериканской теологии освобождения, к ненасильственному сопротивлению Мартина Лютера Кинга-младшего, к критике ориентализма нерелигиозного гуманиста Эдварда Саида.

Прогрессивные мусульмане убеждены, что стержень исламской традиции образует борьба за справедливость. Кроме того, они верят, что светочи ислама всегда были на стороне бедных и слабых и что древние исламские традиции, предписывающие защищать незащищенных, побуждают их бороться за гендерное равноправие и права человека. «В основе толкований, которых придерживается прогрессивный мусульманин, – пишет Сафи, – лежит простая, но радикальная идея: жизнь каждого человека, будь то мужчина или женщина, мусульманин или немусульманин, богач или бедняк, «южанин» или «северянин», имеет такую же ценность, как и жизнь всех остальных»²⁶.

Одна из самых противоречивых глав в короткой истории прогрессивного ислама началась в Нью-Йорке 18 марта 2005 года, когда Амина Вадуд, профессор-исламовед из Университета штата Виргиния, провела совместное для мужчин и женщин пятничное богослужение, на котором присутствовало более сотни участников. Это нарушение традиций, согласно которым быть духовными лидерами могут лишь мужчины, стало не первым, однако именно оно вызвало вспышку ожесточенной международной полемики. Мусульманские лидеры во всем мире осудили это событие как нарушение исламского права, однако в дальнейшем женщины-имамы проводили пятничный саят или читали традиционную проповедь по пятницам в США, Канаде, Испании и Южной Африке. Наиболее часто в западной критике ислама упоминается его враждебное отношение к женщинам. Мусульмане со времен Мухаммада действительно рассматривали половую принадлежность как существенную, а не второстепенную характеристику человека. [«Ведь мальчик не подобен девочке», – гласит Коран (3:36)]. Поэтому в мечетях, куда впускают женщин (в некоторые мечети женщинам входило запрещено), мужчины обычно отделены от женщин. Сыновьям, как правило, достается вдвое больше наследства, чем дочерям, в исламских судах требуется два свидетеля женского пола, чтобы уравновесить голос одного свидетеля-мужчины. И наконец, хотя теологи ислама утверждают, что понятие пола неприменимо к Богу, там, где в Коране требуется местоимение третьего лица, Аллах – это исключительно «Он».

Прогрессивные мусульмане убеждены, что стержень исламской традиции образует борьба за справедливость

Однако мусульманский феминизм – не оксюморон. Мусульманские феминисты утверждают, что Коран и хадисы, несмотря на их патриархальность во многих отношениях, во время их создания представляли собой качественный скачок для женщин в том, что касается имущественных прав, наследства, разводов и образования. Кроме того, они отмечают, что по меньшей мере семь государств с преимущественно мусульманским населением уже возглавили женщины.

Но существует и спорная практика, согласно которой женщины обязаны покрывать голову. Хиджаб запрещен законом в одних мусульманских странах и обязателен в других. Большинство граждан Франции и довольно многие американцы считают, что в их странах следует запретить традиционные для ислама головные уборы, в обеих странах уже случались судебные разбирательства по поводу права мусульманок покрывать голову во время работы в «Макдоналдсе» или снимаясь на водительские права. Многие мусульманки отказались покрывать голову, выражая таким образом поддержку борьбе за права женщин, но вместе с тем мусульманские феминистки не появляются на людях с непокрытой головой, поддерживая борьбу за те же права. Таким образом, хиджаб стал символом исламской самобытности, как кипа, или ермолка, – символом самобытности мужчин-иудеев.

Промежуточное положение между фундаменталистами и прогрессивными мусульманами занимают сотни миллионов сторонников умеренного ислама. Среди 178 миллионов мусульман Индонезии фундаменталисты остаются в тени. Исламистские партии проигрывают на выборах, большинство местных мусульман отождествляют себя с умеренными или прогрессивными силами. Обе эти группы отдают предпочтение демократии и отделению мечети от государства. Прогрессивные мусульмане отличаются от умеренных тем, что активнее высказываются за религиозный плюрализм и права женщин, а также чаще опираются на идеи мыслителей Европы, Латинской Америки и США.

Среди мусульман, с которыми я беседовал во время пребывания в Джокьякарте, культурном и интеллектуальном центре этого обширного архипелага, встречались и умеренные, и прогрессивные. Все они открыто адаптировали ислам к местным обстоятельствам, сочетая его древние традиции с индонезийскими. Все встречали насмешками любую попытку заговорить о столкновении цивилизаций – ислама и христианского Запада. Если такие столкновения и случаются, утверждали они, то лишь между фундаменталистами из числа представителей любой веры, и прогрессивными и умеренными братьями этих фундаменталистов по вере. В Индонезии я ни разу не встречал женщин, закутанных с головы до пят, как в Иране и Афганистане, в сельской местности женщины вообще не покрывают голову. Когда я спросил Зули Кодира, лидера местной умеренной группы «Мухаммадия», в чем сущность ислама, он продемонстрировал лаконичность в духе Джефферсона. «Ислам – это справедливость. И равенство. И демократия». Другой мусульманский лидер объяснил мне, что «суть ислама в заботе о бедных».

Религиозный плюрализм особенно высоко ценится в Индонезии, 17 тысяч с лишним островов которой веками подвергались влиянию буддизма, индуизма и христианства. Зачем Бог сотворил мир? По мнению директора одной исламской школы, с которым я беседовал, причина в том, что Бог предпочитает единству многообразие, потому что «различия – это хорошо». Мне неоднократно напоминали, что мусульмане отрицают насаждение религии – «нет принуждения в религии» (2:256, Пиктолл) – и что к категории «людей Писания» они относят не только иудеев и христиан, но и буддистов с индуистами.

Суфизм в трезвости и во хмелю

Заманчиво представлять себе, что мировые религии – именно то, чему они учат или как действуют, что христианство – это его символ веры, иудаизм – его закон. Но если мы, люди, – не просто сумма наших мыслей или действий, то и религиозные традиции нельзя сводить к символам веры и ритуалам. У каждой из мировых религий есть приверженцы, которые воспринимают свою веру как задачу копнуть глубже Никейского Символа веры или пяти столпов ислама, увидеть, по выражению английского поэта Уильяма Вордсворта, «что-то, проникающее вглубь». В исламе такие люди называют себя суфиями.

Во время пребывания в Иерусалиме я разговорился с хозяином одного магазина, который оказался не только опытным торговцем, но и суфием на протяжении всей своей жизни. Когда я спросил его о значении пяти столпов ислама, он решительно покачал головой – «НЕТ!» – и, вызвав у меня неловкость тем, что чуть не ткнул указательным пальцем мне в нос, заявил, что ислам преспокойно выстоит и без любого из этих пяти столпов. Истинный ислам, по его мнению, не имеет никакого отношения к закону и вместе с тем имеет самое непосредственное отношение к восприятию и опыту. Это сердечная и душевная связь между каждым отдельным верующим и Богом, нечто вроде страстной любви, от которой все твое существо готово пуститься в пляс. Ей не нужны обряды и правила, добавил он. В сущности, обряды и правила только уводят нас от того, что есть на самом деле.

Подобные взгляды высказывал в XI веке суфий Ансари из Герата (территория современного Афганистана), который в короткой поэме поставил пять столпов на второе место после высшего призвания:

Пост – способ сберечь пищу.
Бдения и молитвы – труд для стариков.
Паломничество – возможность повидать мир.
Раздача хлеба просящим подавания – занятие
для благодетелей.
Влюбиться – вот что значит что-либо совершить!²⁷

Персидский суфий IX века Язид (Баязид) Бистами столь же скептически относился к способности религии привести человека к Богу. «Самая плотная завеса между человеком и Аллахом, – писал он, – есть мудрость мудреца, поклонение поклоняющегося и приверженность приверженца»²⁸.

Для суфиев ислам – это сердечная и душевная связь между каждым отдельным верующим и Богом, нечто вроде страстной любви, от которой все твое существо готово пуститься в пляс

Одна из отличительных особенностей ислама – его недвусмысленное отрицание христианских традиций celibата, аскетизма и монашества. Мусульманам зачастую невдомек, почему Иисус так и не женился; брак предписан и Кораном («Сочетайте браком тех из вас, кто холост», 24:32), и хадисами [«Брак – моя сунна (образцовое поведение)»]²⁹. Поэтому монахи, удалившиеся от мира, обычно подвергаются осмеянию. Но ранние суфии выступали против этой тенденции. Термин «суфизм» происходит от «суф», то есть «шерсть». Следовательно, «суфий» – «тот, кто носит шерсть», то есть человек, выбравший простую созерцательную жизнь и благочестивую бедность, во многом схожие с жизнью христианских монахов в их кусачих шерстяных рясах.

Суфизм – мистическое течение, возникшее в VIII веке. Подобно другим мистикам, суфии делают акцент на эмпирическом аспекте религии. Менее терпеливые, чем прочие мусульмане, они не желают ждать смерти, чтобы соприкоснуться с божественным. По примеру Мухаммада (его нередко называют первым суфием) в пещерах на горе Хира, они стремятся «вкусить Бога здесь и сейчас». Или, как выразился один суфийский поэт,

Когда бушует океан,
не дай мне просто слушать его —
пусть брызжет мне в грудь!³⁰

Под руководством духовных наставников, шейхов или пиров, а также посредством орден или братств суфии веками экспериментировали с разнообразными духовными практиками, цель которых – помочь сердцу открыться для экстатического восприятия божественного. В соответствии с *более* распространенными мусульманскими представлениями о том, что проблема самонадеянности проистекает из забвения, суфии стремятся вечно оберегать Бога в своем сердце, либо повторяя нараспев его прекрасные имена, либо в молчании перебирая их мысленно. Еще одна суфийская практика – мусульманский аналог того, что даосисты называют «вольным и беспечным странствованием»; странствующие суфии играли заметную роль в распространении ислама в краях столь отдаленных, как Африка, Индия, Юго-Восточная Азия.

В исламе суфии печально известны своим заигрыванием с идолопоклонством; вершиной своих духовных исканий они считают полное уничтожение своего «я» и вместе с тем – мистический союз с Богом. Если мусульманские теологи и правоведы склонны подчеркивать трансцендентность и удаленность Бога, суфии делают акцент на его имманентности и близости, склоняясь к пантеизму («все есть Бог») и монизму («все едино»). Если другие мусульмане указывают на кардинальное качественное различие между Богом и людьми, то суфии обращают внимание на сходство между людьми и Богом, который ближе к ним, как сказано в Коране, «чем яремная вена» (50:16). Если действительность едина, тогда множественность – иллюзия, следовательно, на самом деле нет различий между Творцом и сотворенными. Поскольку любое место священно, нет причин отправляться в Мекку или в мечеть, чтобы обрести Бога. По сути дела, незачем отправляться куда-то помимо собственного сердца. Как современные евангелические христиане, которые видят в Иисусе друга, суфии называют себя друзьями Бога.

Многие мусульмане с давних пор усматривали нечто в высшей степени тревожное и даже опасное в эзотерических наставлениях и практиках суфиев, поскольку с точки зрения суфиев слишком многое из того, к чему стремятся и что считают необходимым прочие мусульмане, оказывается необязательным в лучшем случае и вредным в худшем. Если большинство суфиев утверждают, что следуют и внешним, законным путем шариата, и внутренним, мистическим путем («тарикат»), критики заявляют, что суфии приносят первый на алтарь второго. К примеру, ваххабиты рассматривают суфизм как приглашение к ширку и безнравственности. Великий персидский суфий Мансур ал-Халладж был казнен как еретик в Багдаде в 922 году за высказывание «я есть Истина»: сам ал-Халладж воспринимал эти слова как выражение его союза с Богом, а его противники сочли их кощунством, поскольку Истина – одно из девяти имен Бога.

Для того чтобы хоть как-нибудь разобраться в этом мистическом пути, причастные к нему, равно как и посторонние, различали суфиев двух типов: «трезвых» и «хмельных». Если стихия трезвого суфия – проза, а специализация – разум, то стихия хмельного суфия – поэзия, а специализация – эмоции. К трезвым суфиям относят персидского философа аль-Газали (1058–1111), который, признавая важность шариата, выступил посредником в деле заключения мира между суфиями и теми, кто обвинял их в ереси и безнравственности. С благоговением приближаясь к божественному, трезвые суфии неизменно осознавали власть и гнев

Божии, и это осознание сделало их путь ближе к прямому и ограниченному, нежели путь их одурманенных братьев по вере. В отличие от трезвых суфиев, хмельные заостряли внимание на милосердии и красоте Бога, приближались к нему скорее в любви и экстазе, чем в трепете и страхе. В итоге они меньше беспокоились о правовых и ритуальных требованиях своей традиции. По крайней мере, для некоторых хмельных суфиев пять столпов ислама несущественны – так пластиковый пакет, который мы приносим домой из магазина, несуществен по сравнению с продуктами питания, лежащими внутри.

Классический образец хмельного суфия, великий персидский поэт Руми (1207–1273), сегодня любим одинаково и мусульманами, и немусульманами. Благодаря популярности его переводов на английский, выполненных Коулменом Барксом, в настоящее время Руми принадлежит к числу поэтов, пользующихся наибольшим спросом на Западе, его поэзия вдохновляет немало современных знаменитостей, в том числе Мадонну и композитора Филипа Гласса. Стихи Руми на редкость увлекательны, а его увещевание «отдать все за любовь» – испытание высшего порядка³¹.

Отчасти привлекательность этого поэта объясняется его предысторией: Руми был книжным червем и ученым, когда однажды его посетил странствующий суфий по имени Шамс, который, по словам одних рассказчиков, сжег книги Руми, или, по утверждению других, бросил эти книги в пруд. («Осел с грузом священных книг – все равно осел», – говорят сейчас суфии³²). Так или иначе, Шамс перевернул всю жизнь Руми, и на протяжении долгих лет они были неразлучны. Затем Шамс таинственным образом исчез, скорее всего, стал жертвой убийцы. Эта трагедия превратила Руми в одного из самых любимых миром и плодовитых поэтов.

Другое название суфизма – ихсан, или «творение прекрасного», то есть именно то, что творит поэзия Руми. Его стихи переполняет тоска по другу Шамсу. «Нет спасения для души, – пишет он, – кроме как в Любви»³³. Однако Руми считает, что любовь Ромео и Джульетты или Николь Кидман и ее очередного партнера по фильму – также любовь к божественному, от божественного исходящая. Когда Руми пишет, что «в доме из воды и глины сердце безутешно без тебя; в этот дом войди скорей, любимый, иль его покину я», он тоскует по Богу и Шамсу³⁴. Или, что больше соответствует вере Руми, он ведет речь о Боге и человеке, которые лишь кажутся разными существами.

На высоте наблюдательного поста, где единственной истинной реальностью является лишь Бог, не имеет смысла отличать суннитов от шиитов, мусульман от иудеев. Поэтому суфии обычно утверждают, что все религии – пути к божественному. Но это лишь пути, неловкие жесты в сторону невыразимого. Разумеется, суфии признают разницу между исламом и другими религиями. Но это внешнее, несущественное знание. Если взглянуть на него сквозь призму внутреннего, существенного знания, все подобные различия померкнут. «Было время, когда я винил своего собеседника, если его религия отличалась от моей, – писал испанский философ Ибн Араби (1165–1240). – Теперь же мое сердце принимает любую форму... Лишь любовь моя религия»³⁵.

Таинственное трагическое исчезновение суфия Шамса превратило Руми
в одного из самых любимых миром и плодовитых поэтов

Как однажды объяснял Руми, бывает разум двух видов. Один – это «вторичный» разум ребенка, запоминающего факты из книг и со слов учителей. Благодаря такому разуму можно стать инженером-строителем или научиться отличать пять столпов ислама от семи таинств католичества. Вордсворт называл его «нашим назойливым разумом»³⁶. Но существует и разум другого рода, «иное знание», проистекающее из непосредственного, личного восприятия Бога – «источник, плещущий из нас наружу»³⁷. Знание такого рода лежит за пределами повседневного языка и заурядного мышления. Поэтому суфии пытаются выразить его иными способами

– в музыке, танцах, эллиптическом языке мистической поэзии, сами слова которой побуждают читателя заглянуть вдаль, за Предел.

Один из соблазнов любой религии – ошибочно принять ее за то Высшее, На Которое Она Указывает: например, начать поклоняться не Христу, а христианству. Суфии противятся этому искушению. Их влечет не к исламу, а к Аллаху, не к райским кушам в будущем, а к присутствию божественного здесь и сейчас, не к сведениям, полученным из вторых рук, а к личному опыту. Отвечая на вопрос, стремилась ли она когда-либо в рай, суфийская поэтесса Рабия Басри ответила: «Сначала сосед, потом дом»³⁸.

Один из соблазнов любой религии – ошибочно принять ее за то Высшее,
На Которое Она Указывает: например, начать поклоняться не Христу, а
христианству

Так что же все-таки означает религиозная образованность, когда речь идет об исламе? Имеется в виду внешняя форма или внутренний опыт?

Подразумевает ли мусульманская грамотность знание пяти столпов и Корана? Или осведомленность о том, чем сунниты отличаются от шиитов? Безусловно, важно все перечисленное. Чтобы понять роль ислама в современном мире, надо понимать его отношение к проблеме самонадеянности и к подчинению как ее решению. Необходимо осмыслить рай как цель и понять, как эта цель определяет поведение человека. Но как напоминают нам суфии, существует и более высокий уровень беглости помимо этой базовой грамотности и, возможно, за пределами самого языка. Возможно, Руми и его братья-суфии пытаются втолковать: важно знать не ислам, а Аллаха. Или упомянутое «знание» в данном случае неуместно? Возможно, «понимать ислам» – это не «знать», а «чувствовать»: чувствовать движение Бога в себе, подобное энергии, воодушевляющей танец.

Тем из нас, кто не относится к суфиям, приходится довольствоваться знанием, что ислам – величайшая из великих религий. По численности приверженцев эта религия милосердия, справедливости, великодушия и подчинения растет гораздо быстрее, чем христианство. По степени влияния – управляет общемировым диалогом о добродетелях и пороках религии. Ислам играет ключевую роль на Ближнем Востоке и в Азии и стремительно наращивает свое присутствие в Европе и Северной Америке. Вклады в исламских банках (которые не взимают комиссии и не выплачивают проценты), по данным Международного валютного фонда, «растут поразительными темпами»³⁹. Ввиду стремительного развития Бразилии, России, Индии и Китая (BRIC), наш разбазаривающий нефть мир, по-видимому, обречен хотя бы в ближайшее время транжирить ее пуще прежнего, значит, влияние преимущественно исламских стран ОПЕК будет только расти. Между тем Ирак, Иран и Афганистан остаются загадками для всех, кто неспособен принять во внимание давний раскол внутри ислама между суннитами и шиитами. Полагать, будто бы диалог о великих религиях начинается с христианства, – значит не только демонстрировать собственную ограниченность, но и выдавать возраст. Возможно, XIX и XX века действительно принадлежали христианству. Но XXI век – век ислама.

Глава 2

Христианство: путь спасения

Умеренный монотеизм и Троица (с. 81) Иисус (трилогия) (с. 82) • 2,2 миллиарда спасенных (с. 86) • Протестантская Реформация (с. 89) • Лютеране, кальвинисты, англикане и анабаптисты (с. 91) • Протестантская и католическая вселенная (с. 92) • Мормонизм (с. 95) • Век евангеличества (с. 97) • Век пятидесятничества (с. 99) • «Небелые» христиане (с. 104) • Христианство и ислам (с. 110) • Мистики и «путь отрицания» (с. 111)

В моем детстве каждый Сочельник наша семья собиралась у огня, чтобы послушать, как мой отец читает «Христа-младенца» (*The Christ Child*, 1931). В этой детской книжке собраны рассказы о рождении и детстве Иисуса, заимствованные из новозаветных Евангелий от Матфея и Луки. Своими образами она была обязана супругам Мод и Мишке Петершем – иллюстраторам, акварели которых, казалось, прыгивали со страниц, властные и трогательные, как чудо. На обложке Иисус изображался в вифлеемских яслях сразу после рождения. Как ни странно, рядом с ним не было ни матери Марии, ни ее мужа Иосифа, – компанию младенцу составляло лишь стадо овец и ослов, которые словно ловили каждый его вздох с маниакальным вниманием, обычно свойственным новоиспеченным родителям (хотя явно не этим). Изображение венчал ярко-желтый нимб, напоминающий шлемы астронавтов 60-х годов (в духе Джона Гленна) – по крайней мере, мне в детстве так казалось. От этого пузыря, плотно облегающего голову Иисуса, расходилось несколько ореолов побольше, рассекающих темноту ночного неба светом, подобным солнечному.

Безусловно, что-то особенное было в этом ребенке, ничего не имеющем против волхвов, приносящих дары, о которых никто из нас, детей, даже не слышал (за исключением золота, разумеется). Мало-помалу он научится самостоятельно есть и одеваться, держать в руках молоток и забивать гвозди. Верхом на осле он отправится в Иерусалим, разделит последний ужин со своими учениками, помолится в Гефсимании, будет предан другом, выдержит показательный судебный процесс, подвергнется бичеванию, насмешкам и казни на кресте. Но поскольку книга предназначалась для детей, самыми страшными в ней были упоминания о животных, приносимых в жертву в Иерусалимском храме, а также иллюстрация, на которой Мария, Иосиф и младенец бегут от царя Ирода в Египет среди кромешного ночного мрака. А в остальном детство Иисуса выглядит безоблачным. Он растет и крепнет в плотницкой мастерской Иосифа, во время поездки на несколько дней в большой город ухитряется улизнуть от родителей и проводит время среди раввинов, слушая их и задавая им вопросы. Но этому хорошему еврейскому мальчику не удастся отделаться от своего нимба, который отличает его, выделяет, как избранного, куда бы он ни пошел, служит неосязаемым напоминанием об осязаемом вочеловечении.

Одна из ложных идей так называемого нового атеизма заключается в том, что религии едины и одинаковы: разнообразия одних только христианских направлений достаточно, чтобы испытать потрясение. До того, как ортодоксия обрела власть и право искоренять гетеродоксию, раннее христианство развивалось, пущенное на самотек, а список потенциальных еретиков растянулся, вмещающая всех – от монтанистов и манихеев до гностиков и евионитов, донатистов и докетистов, ариан и несториан. Если современные христиане в массе забыли Символы веры и катехизисы, то христиане первых нескольких столетий еще не успели записать их. В то время, как и теперь, пишет богослов Харви Кокс, не существовало «ни централизованной иерархии, ни общепринятого Символа веры, ни установленной системы обрядов»¹. Христианство могло принять любой облик по принципу «кто успел, тот и съел».

Большей частью ранние христиане определялись в богословском отношении в зависимости от взглядов, которых они придерживались на иудеев, на сочетание божественной и человеческой сущности в Иисусе, на связи в семействе Отца, Сына и Святого Духа. Кроме того, ранних христиан манили соперничающие направления монашества – как рассчитанные на монахов-одиночек, пустынников и перипатетиков (само слово «монах» происходит от греческого *monos*, то есть «одинокий»), так и более упорядоченные и менее аскетичные общины бенедиктинцев. Будучи христианином в древности, можно было также придерживаться пути крайнего аскетизма по примеру Симеона Столпника (390–459) – Дэвида Блейна того времени, забравшегося на столп в двадцать с небольшим лет и пробовавшего там до конца своих дней.

Предпринимались попытки ограничить это многообразие, образумить еретиков и вернуть на землю оригиналов вроде святого Симеона. Римский император Константин (272–337), обратившийся в христианство в 312 году, в 325 году провел в Никее (современная Турция) первый Никейский собор в надежде придать христианству единообразие. Но «единая истинная церковь» в то время была столь же недосыгаемой, как и теперь.

В настоящее время христианство – настолько растяжимое понятие, что этот термин относится к верованиям и обрядам пятидесятников в Бразилии, мормонов в Юте, католиков в Италии и православных в России

В настоящее время христианство – настолько растяжимое понятие, что этот термин относится к верованиям и обрядам пятидесятников в Бразилии, мормонов в Юте, католиков в Италии и православных в России. В отличие от мусульман, всегда настаивавших на том, что Коран является откровением только в оригинале, на арабском языке, христиане не ограничиваются словом Божьим на древнееврейском в Ветхом Завете или на греческом – в Новом Завете. Мало того: если мусульмане упорно противились переводам Корана (первый перевод Корана на английский язык, сделанный мусульманином, появился лишь в XX веке), христиане издавна воспринимали перевод, публикацию и распространение Библии на разных языках как свою священную обязанность. Фильм «Иисус», распространяемый евангелической студенческой группой *Campus Crusade for Christ International*, был переведен более чем на 1000 языков и просмотрен более чем в 220 странах². Но христианство не просто адаптировалось к местным языкам. Оно приняло во внимание местные верования и обряды – от конфуцианства в Восточной Азии до одержимости духами в Африке. Прихожане популярной кимбангистской церкви в Конго причащаются не хлебом и вином, а сладким картофелем и медом. Стратегия заимствования особенностей местной культуры – один из ключей к глобальному успеху христианства и вместе с тем источник его головокружительного многообразия.

Я вырос в лоне епископальной церкви святого Петра на Кейп-Коде. Недавно я посещал службы в Вефильской епископальной церкви африканских методистов по соседству с бостонским районом Джамайка-Плейн. Упомянутые церкви разделены расстоянием всего в сотню километров, но их собрания – два совершенно разных мира. Прихожане церкви святого Петра лилейно-белы, тихи и благочестивы. Прихожане Вефильской церкви – неумные афроамериканцы, легко впадающие в экстаз. По службам в церкви святого Петра можно сверять часы, они никогда не затягиваются дольше, чем на час, а службы в Вефильской церкви не прекращаются до тех пор, пока не иссякнет запас энергии Духа. В церкви святого Петра верующие смиренно сидят на скамьях, сложив руки на коленях, даже когда органист пытается расшевелить их «черным» спиритчуэлсом. Завести прихожан Вефильской церкви гораздо легче. Они вскакивают и направляются туда, куда ведет их Дух, возводят руки к небу, когда оркестр играет церковные гимны. Однако и те, и другие – христиане. Как и квакеры, собрания которых проходят в нескольких километрах от моего дома в деревне Ист-Сандвич, Массачусетс: с десятком квакеров, или «друзей», как они себя называют, молча сидят на старых пледах и практичных шерстяных одеялах, греются (или делают вид, что греются) у дровяной печки и слушают

тишину так же доверчиво, как слушали их предшественники с тех пор, как в 1657 году образовалась община.

Однако христианство «Христа-младенца» и моего детства не верило в тишину. Особое место в нем занимала доктрина о вочеловечении, столь же таинственная для меня, как и жизнь взрослых в целом. Согласно этому основополагающему христианскому учению, в решающий момент всемирной истории Бог принял облик беспомощного младенца, родившегося у испуганной юной женщины и переданного в мозолистые руки плотника. «Что, если бы Бог был одним из нас?» – вопрошает в популярной песне Джоан Осборн. «Он и был!» – отвечает христианство. Однажды он в своем смирении стал человеком, как если бы Пеле или Майкл Джордан на пике карьеры вдруг отказались от власти, престижа и процветания ради новой жизни в пеленках, среди простых смертных. На протяжении всего вочеловечения Бог творчески сочетал духовное и мирское, наполнял приземленные события повседневной жизни священным смыслом. Поэтому христианство всегда было не просто спасением от греха, но и священным трепетом перед обычным и заурядным.

Умеренный монотеизм и Троица

Каждое воскресенье в миллионах церквей всего мира христиане подтверждают учение о вочеловечении, повторяя изъявление веры, принятое по требованию Константина на Никейском соборе в 325 году. Ядро Никейского Символа веры, по-прежнему признанного тремя основными направлениями христианства – православием, католичеством и протестантизмом, – учение о Троице, которую составляют Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух.

Христиане – монотеисты, но их монотеизм носит умеренный характер по сравнению со строгим монотеизмом иудеев и мусульман, отказывающихся не только от попыток запечатлеть Бога, но и представлять его в человеческом облике. Христианство изобилует скульптурными и живописными изображениями Иисуса, во всеуслышание объявляющими благовест – что Бог обрел человеческое тело. Следовательно, христиане воспринимают Бога как таинственную Троицу, Бога в трех ипостасях, или, как блестяще сформулировал писатель Дж. Ч.Холлмен, «тройню, восседающую на заборе между политеизмом и монотеизмом»³. Никейский Символ веры – торжественное заявление о «едином Боге Отце Вседержителе, Творце неба и земли», «едином Господе Иисусе Христе, Сыне Божиим единокровным» и «Святом Духе, Господе, дающем жизнь». Из этих трех божественных особ больше всего внимания достается Иисусу. «Для нас людей и для нашего спасения» он сходит с небес и рождается человеком у Девы Марии. Его распинают, умерщвляют и погребают. Но по прошествии трех дней он воскресает из мертвых и восходит на небеса. Когда-нибудь он вернется на землю «со славою судить живых и мертвых». Символ веры завершается своего рода приложением, в котором говорится о богодухновенности христианской Библии, единстве христианской церкви и значении христианского таинства крещения. В последней строчке утверждается учение о воскресении мертвых и ожидании «жизни будущей».

Зачастую ошибочным оказывается именование религии «верой», а ее приверженцев – «верующими». Как ни парадоксально это звучит, вера и верование не играют существенной роли в большинстве религий.

Зачастую гораздо важнее оказываются ритуалы, как в конфуцианстве. Или предания, как в религии йоруба. Многие иудеи не верят в Бога, индуисты всего мира прекрасно обходятся без Символа веры. Когда речь заходит о религии, мы подразумеваем то, что делаем, гораздо чаще, чем-то, что думаем. Разумеется, среди посетителей церкви есть и те, кто крестит детей и принимает хлеб и вино причастия, особо не задумываясь, что все это означает, однако «быть христианином» означает, как правило, заботу о вере и убеждениях. Наиболее существенные расколы в истории христианства были в значительной степени спровоцированы богословскими разногласиями, и вплоть до недавних времен христиане без каких-либо колебаний брались искоренять ересь – к примеру, создавая такие институты, как инквизиция. Сегодня платой за прием в христианскую семью продолжает оставаться скорее ортодоксия («правильное учение»), чем ортопраксия («правильные действия»). Никейский Символ веры начинается словом «верую», и последующей парой сотен слов христиане всего мира резюмируют общую для них веру.

Иисус (трилогия)

Как указывает сам термин «христианство», эта вера вращается вокруг личности Иисуса, которого христиане традиционно чтят как Сына Божьего, Спасителя и Христа (от греческого аналога еврейского слова «мессия», или «машиах», – грядущий царь, который преобразит мир). Хотя в Библии сказано, что он «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13:8), представления об Иисусе разнятся для разных народов, мест и времен. Подверженные воздействию культурных, политических и экономических ветров, образы Иисуса примерно так же постоянны, как погода на «Аллее торнадо» в Канзасе. В Древнем мире он был мессией в Иерусалиме, открывающим истину в Афинах и императором в Риме. В США он побывал чернокожим и белым, геем и натуралом, либералом и консерватором, капиталистом и социалистом, пацифистом и воином, атлетом и эстетом, активистом движения за гражданские права и членом Ку-клукс-клана. Мусульмане чтят его как пророка, индуисты – как аватару, буддисты – как бодхисаттву. Так что когда Иисус вопрошает: «За кого почитают Меня люди?» (Мк 8:2), ответить непросто как в его время, так и в наше⁴.

Для всех христиан Иисус – олицетворение власти Бога в мире. Одни уделяют особое внимание его роли наставника, чьи слова и поступки учат нас заботиться о бедных, освободить угнетенных и строить Царство Божье. Другие воспринимают его как чудотворца, который исцеляет больных, изгоняет демонов, воскрешает мертвых. Третьи приветствуют его как Спасителя, страдания и смерть которого на кресте искупили человеческие грехи и даровали нам спасение. Так или иначе, оспаривать влияние Иисуса на всемирную историю невозможно. В Библиотеке Конгресса, Вашингтон, округ Колумбия, хранится больше книг об Иисусе (примерно 17 тысяч), чем о каком-либо другом историческом лице, и вдвое больше, чем о Шекспире, занимающем второе место. По оценкам, во всем мире насчитывается 187 тысяч книг об Иисусе на пятиста языках⁵. В честь Иисуса даже названа целая страна – центральноамериканское государство Сальвадор («Спаситель»).

Хотя в Библии сказано, что он «вчера и сегодня и во веки Тот же», представления об Иисусе разнятся для разных народов, мест и времен

Ввиду этой озабоченности верой и убеждениями, Символом верой и катехизисом, возникает искушение классифицировать христианство как доктринальную религию *par excellence*. Вместе с тем это религия предания. Свое предание христиане называют Евангелием. Этот термин применяется к четырем Евангелиям Нового Завета (от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна), которые вместе с Ветхим Заветом, посланиями, приписываемыми апостолу Павлу, и еще несколькими книгами составляют христианскую Библию. Однако первое значение слова «евангелие» – «благая весть». Распространяя Евангелие, христиане распространяют эту благую весть. И хотя при этом они ссылаются на христианские учения, например, о греховности человека и искуплении грехов Иисусом на кресте, по меньшей мере с той же частотой они обращаются к преданию или жизнеописанию.

Предания, которые рассказывают христиане, меняются от общины к общине, от человека к человеку. Но как правило, повествование развивается от греха к спасению. Люди грешили еще со времен пребывания Адама и Евы в Едемском саду. Список этих прегрешений носит название «семи смертных грехов»: гордыня, зависть, гнев, леность, чревоугодие, блуд и корыстолюбие. Но понятие греха в общем смысле относится к склонности человека к злу и ошибочным поступкам. Согласно Библии, грешат все – «если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин 1:8) – и эти грехи имеют последствия, в том числе конфликты с другими людьми и отчуждение от Бога. Грешникам не попасть на небеса, им не видать вечной жизни, никакими своими поступками они не могут заслужить спасение, искуп-

ление грехов. Но к счастью, христианство – «религия спасения», и это спасение стало возможным, когда Иисус погибал на кресте⁶. В тот день, который христиане отмечают как Великую (Страстную) пятницу, безгрешный Иисус взял на себя наши грехи. А три дня спустя, в день, который празднуется как Пасха, он доказал, что Бог властен над грехами, воскреснув из мертвых. Следовательно, «благая весть» заключается в том, чтобы каждый, услышав этот рассказ, исповедался в своих грехах и, обратившись за прощением к Иисусу, обрел спасение. Или же, как сказано об этом в Библии, «возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим 6:23).

Подобно всем религиозным людям, христиане избирательно и намеренно забывают, вспоминают и пересказывают основополагающие предания. Они делают акцент на одном эпизоде за счет замалчивания другого, действуя в соответствии со своими склонностями и предубеждениями, свойственными конкретному времени

Эта сюжетная основа действует на трех взаимосвязанных уровнях. Есть повествование о самом Иисусе, Боге, который рождается в яслях Вифлеема, странствует по Галилее и умирает на кресте в Иерусалиме. Но эта история Иисуса вкраплена в более узкие рассказы о роли Иисуса в жизни отдельных людей и более масштабный рассказ о роли Иисуса в истории человечества.

В ограниченных рассказах часто говорится о поразительных преобразованиях, полных драматизма историях отъявленных грешников, спасенных благодатью милосердного Бога. Или, как сказано в популярном христианском гимне «О, благодать» (*Amazing Grace*), «был мертв – и чудом стал живой, был слеп – и вижу свет». Президент США Джордж Буш был алкоголиком, пока в доме его семьи в Кеннебанкпорте, Мэн, не побывал евангелический христианин Билли Грэм, после чего жизнь Буша круто изменилась. Вскоре после этого Буш открыто признал, что верит в Иисуса и что «возродился в вере». В 1999 году, отвечая во время дебатов на вопрос о своем любимом политическом философе, Буш назвал Христа, «потому что благодаря ему изменились мои взгляды». Тех, кто неожиданно приходит к Христу, называют «рожденными вновь», или «возродившимися в вере», но есть и менее эффектный способ стать христианином: быть крещеным в детстве и следовать христианским правилам во взрослом возрасте.

Более масштабное повествование об Иисусе охватывает промежуток от сотворения до апокалипсиса: с сотворения мира «в начале», о котором рассказывается в первой книге Библии, Бытие, до грядущих пожаров, о которых говорится в последней библейской книге Откровение. Подобно всем религиозным людям, христиане избирательно и намеренно забывают, вспоминают и пересказывают основополагающие предания. Они делают акцент на одном эпизоде за счет замалчивания другого, действуя в соответствии со своими склонностями и предубеждениями, свойственными конкретному времени. Но большинство популярных вариантов масштабного повествования об Иисусе сосредоточено вокруг христианской проблемы (греха) и христианского решения (спасения). Бог создает мужчину по имени Адам и женщину Еву, обоих он поселяет в саду Едемском. Им хорошо живется, пока они, послушавшись Бога, не съедают запрещенный им плод. После этого первого прегрешения Адама и Еву изгоняют из райского сада, и в истории человечества появляются грех, смерть и страдания. С тех пор ситуация только ухудшалась, пока наконец Бог не решил уничтожить мир при помощи потопа, пощадив только семью Ноя и животных, которых Ной собрал про запас в своем ковчеге, чтобы вновь населить землю. Затем Бог заключает соглашение с израильянами, через Авраама объявляет, что избрал их своим народом и наделяет его законом. Но грехов, смерти и страданий становится все больше, и тогда Бог Отец посылает своего Сына Иисуса в мир, где он будет жить и умрет, как человек, а потом воскреснет из мертвых. Смертью на кресте Иисус расплачива-

ется за грехи всего мира, в итоге его последователи обретают возможность радоваться вечной жизни с Богом. Но деяния Бога в истории человека будут полностью явлены лишь после того, как Иисус вернется, мертвые восстанут из могил и вместе с живыми разделятся на спасенных (тех, кто попадет в рай) и осужденных (тех, кто попадет в ад).

Библейская история нашла блестящее и лаконичное отображение в большом кресте, изготовленном американским художником-любителем Престоном Джетером. Этот крест в стиле тотемных столбов выструган из досок размерами два на четыре дюйма и раскрашен яркими малярными красками. В основании креста обнаженные Адам и Ева в Едемском саду, оплетенные змеем, жадно поедают большое красное яблоко. Выше располагается днищевая часть корпуса Ноева ковчега, еще выше Моисей держит над головой Десять заповедей – совсем как сыгравший его в одноименном фильме Чарлтон Хестон. Центр композиции – ясли с младенцем Иисусом. Выше находится распятый Христос, вытянутые руки которого придают всей композиции сходство с крестом. На вершине этого креста воскресший Христос поднимает руки к небесам, указывая нам путь к Богу. В соответствии с традиционными христианскими взглядами, согласно которым христианство довершает иудаизм, а не опровергает его, эта скульптура интерпретирует события Еврейской Библии в свете пришествия Иисуса и отображает жизнь Адама, Евы, Ноя и Моисея в буквальном смысле как фрагменты самого распятия. Подобно повествованию об Иисусе, этот крест содержит вопрос, на который каждый отвечает сам: веришь ли ты, что Христос умер, чтобы спасти тебя от твоих грехов? Знаешь ли ты, что Иисус воскрес, чтобы доказать: последнее слово остается вовсе не за смертью, а единственный истинный Бог – это Бог процветания?

2,2 миллиарда спасенных

Христианство зародилось как движение вероотступников, никчемное препирательство из-за степени, в которой их обязательства перед евреем Иисусом обязывают их придерживаться таких еврейских традиций, как обрезание. Это движение было не более чем занозой в боку Римской империи, пока император Константин, сын христианки, не обратился в христианство в 312 году, чуть ли не в одночасье превратив христиан из гонимых чужаков в хозяев-гонителей, из угнетаемых в угнетателей. Если предшественник Константина Диоклетиан был самым кровавым гонителем христиан во всей истории Римской империи, сжигал дома собраний, запрещал христианские богослужения и содействовал увеличению численности мучеников, то Константин позволил христианам свободно исповедовать свою веру повсюду на территории империи. Христианское обещание надежды для бедных и рая для верующих нашло широкий отклик, властью Константина распространилось до дальних рубежей греко-римской цивилизации, а затем и по миру за ее пределами.

Христианство зародилось как движение вероотступников

Сегодня Библия – всемирный бестселлер номер один, Иисус – самая узнаваемая фигура в мире, христианство – наиболее популярная и широко распространенная из мировых религий; 2,2 миллиарда человек, или треть населения Земли, называют себя христианами, Новый Завет переведен более чем на три тысячи языков⁷. Христианство – преобладающая религия в Европе, Австралии, Северной и Южной Америке, христиане составляют большую часть населения приблизительно 120 стран – от Арубы, Беларуси и Канады до Замбии и Зимбабве. США во всеуслышание называют себя «государством с наиболее разнообразным конфессиональным составом», однако христиан в нем проживает больше, чем в какой-либо другой стране планеты⁸. В США насчитывается приблизительно 247 миллионов христиан, на втором месте значится Бразилия (170 миллионов), затем – Россия (115 миллионов), Китай (101 миллион) и Мексика (99 миллионов).

Ввиду глобального распространения и вероотступнических истоков, единство, к которому христиане стремились еще в те времена, когда на Никейском соборе по велению Константина был принят Никейский Символ веры, оказалось недостижимым. Библию чтут все христиане, но католическая Библия состоит из 73 книг (или, если Книга пророка Иеремии и Плач Иеремии объединены, – из 72), а протестантская Библия – всего из 66. Существуют сотни различных переводов Библии, которые христиане трактуют по-разному. Есть феминистские Библии, афроамериканские Библии, Новый Завет для девочек-подростков *Revolve* («Размышление») и для мальчиков-подростков *Refuel* («Перезарядка»)⁹. В издании *Good as New* («Лучше прежнего», 2004), авангардистском британском переводе тяготеющего к «левым» уэльского баптиста Джона Хенсона, Иоанн Креститель назван «Макальщиком», святой Петр – «Глыбой», а помешанной на сексе молодежи дается совет не вступать в брак, а обзаводиться «постоянным партнером»¹⁰.

На два основных направления, католичество и православие, христианство разделилось в средние века. Отношения «латинян» и «греков» дали первые трещины в богословских спорах 1054 года, когда легаты папы Льва IX отлучили от церкви патриарха Константинопольского, а патриарх в ответ предал анафеме легатов. Положение стало непоправимым после того, как в 1204 году католические армии захватили Константинополь. В институциональном отношении трения возникли из-за полномочий папы, или, в более широком контексте, из-за вопроса о том, какой должна быть церковная власть – централизованной (позиция католиков) или децентрализованной (позиция православных). В богословском отношении причиной разногласий

между греческим Востоком и латинским Западом стал вопрос о Троице, который теперь выглядит подобием пресловутой проблемы «сколько ангелов умещается на булавочной головке?» Исходит ли Святой Дух только от Бога Отца, как утверждают православные? Или же и от Отца, и от Сына, на чем настаивают католики?

В настоящее время Православную церковь возглавляет не папа, а патриархи, власть которых ограничена их государствами. К примеру, Греческая православная церковь и Русская православная церковь существуют без внешнего вмешательства. В большей мере, чем все прочие христиане, православные делают акцент на ритуальном аспекте религии, пышно празднуя евхаристию – как правило, с кадилами, церковной музыкой, роскошными облачениями священников. Из всех чувств православие опирается прежде всего на зрение, поддерживая связь с тайнами божественного посредством икон с изображением святых. Православные, в отличие от католиков, настаивающих на celibate для священнослужителей, допускают браки приходских священников, но для епископов celibat является обязательным. И наконец, если протестанты и католики склонны воспринимать христианское повествование в правовом отношении, уделяя особое внимание распятию как своего рода помилованию, то для православных на первом месте стоят вочеловечение и воскресение, а также и то, и другое как возможное предзнаменование мистической причастности к Христу.

Протестантская Реформация

Следующий значительный раскол в христианстве наметился во времена протестантской Реформации в Европе XVI века. Этот раскол часто датируют 1517 годом, тем моментом, когда немецкий профессор библеистики и монах-августинец Мартин Лютер прибил к двери Замковой церкви в Виттенберге «95 тезисов» – доводы против Римско-католической церкви. Реформация подняла вопрос первостепенной важности – вопрос о спасении души, а точнее, о том, как его достичь. Спасет ли христиан от греха сочетание веры и дел, как утверждают католики? Или же, как считают протестанты, *sola fide*, то есть одной только веры достаточно, поскольку она искупает наши грехи и служит пропуском на небеса?

Книгопечатный станок впервые в мировой истории способствовал быстрой и недорогой организации религиозного бунта

Как подразумевает термин «реформация», большинство видных деятелей этого периода – Лютер (1483–1546) в Германии, Жан Кальвин (1509–1564) в Женеве, Ульрих Цвингли (1484–1531) в Цюрихе – стремились к реформам в Римско-католической церкви, а не к разжиганию революции. Вдохновленные характерным для Ренессанса стремлением вернуться к первоосновам, они хотели, минуя новшества средневекового католичества, возвратиться к ранним церковным образцам. В условиях растущей грамотности и увеличения численности среднего класса они добивались возможности проводить богослужения и читать Библию на местных языках, а не на латыни, предписанной Ватиканом. Они считали необходимым покончить со спорной практикой продажи индульгенций (подобия расписок о прощении греха). И кроме того, деятели Реформации не видели причин запрещать священникам жениться. Но проповедуя свои основные тезисы – «оправдание милостью в вере», «все верующие – священники» и *sola scriptura* («только Писание»), – реформаторы непреднамеренно стали революционерами. А когда католики подтвердили приверженность своим традициям (притом в самых недвусмысленных выражениях), на Тридентском соборе (1545–1563), произошел окончательный раскол.

Протестанты соглашались с католиками по вопросу греха и пути к спасению, однако между этими двумя сторонами возникли

разногласия, касающиеся методов достижения указанной цели. Во многих отношениях эти исторические споры повторяли индуистские и буддийские о том, достижима ли эта религиозная цель посредством личных

«Если я вижу белое, я буду верить, что оно черное, если так решат церковные власти». – Игнатий Лойола

усилий или благодаря вмешательству внешней силы. Что в действительности требуется от нас для спасения? Любить ближнего и выполнять обряды? Или просто уповать на могущество спасителя Иисуса? В протестантско-католических спорах всплывал и другой вопрос: что есть искупление – дар, как утверждал Лютер, или же, как настаивал Ватикан, обмен определенного рода, в ходе которого верующие расплачиваются за свои грехи покаянием? В этом случае католики обратились к своим традициям и Посланию Иакова («так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе», Иак 2:17, по Дуэ-Реймскому переводу), доказывая необходимость и веры, и дел. Но Лютер, который приложил огромные усилия, чтобы увериться в спасении, и в итоге обнаружил, что никакое сочетание молитвы, аскетизма и духовных упражнений не убьет преследовавшего его «монстра неопределенности», высказывался в пользу *sola fide* (только веры)¹¹. Ибо, как писал Павел, «праведный верою жив будет» (Рим 1:17, по исправленной стандартной версии, RSV).

Подобно набожным индуистам, протестантские реформаторы утверждали, что религиозная цель может быть достигнута всеми, кто применяет свою повседневную деятельность к божественному. Призвание свыше – привилегия не только монахов и монахинь, но и обычных людей. Если это утверждение придало протестантизму убедительности, то его распространению способствовал книгопечатный станок, который в сочетании с растущей грамотностью впервые в мировой истории способствовал быстрой и недорогой организации религиозного бунта. Французский мыслитель Режи Дебре преувеличивает, утверждая, что «без алфавита... не было бы и Бога», но без книгопечатного станка действительно не было бы протестантов¹².

Католическая Контрреформация отреагировала на нападки протестантов, заново подтверждая традиционные учения по таким вопросам, как грех, спасение и в особенности таинства, и создавая организации по образцу «Общества Иисуса» (ордена иезуитов), основатель которого, Игнатий Лойола, известен заявлением: «Если я вижу белое, я

буду верить, что оно черное, если так решат церковные власти»¹³. Но католики также проявили свой вариант религиозной преданности в духе индуизма. На Тридентском соборе Ватикан подтвердил значение внутреннего благочестия, настояв на том, чтобы миряне исповедовались как минимум раз в год. В 1609 году епископ Женевы Франциск Сальский написал «Введение в благочестивую жизнь» – первый классический духовный труд католиков, адресованный мирянкам.

Лютеране, кальвинисты, англикане и анабаптисты

Поскольку протестанты считали, что все могут и должны читать Библию на родных языках, воспринимать ее сквозь призму собственной совести, практически не ссылаясь на традиции, протестантизм в свою очередь тоже раскололся. Сегодняшние четыре основных направления протестантизма – лютеранство, реформатство, англиканство и анабаптизм.

К лютеранскому направлению, занимающему наиболее прочные позиции в Германии, странах Скандинавского полуострова и на американском Среднем Западе, относятся последователи Мартина Лютера, основателя таких конфессий, как Евангелическая лютеранская церковь Америки и церкви разных европейских государств, в том числе Швеции и Норвегии. Во время богослужений лютеране уделяют особое внимание литургии, общему пению гимнов, в том числе сочиненных самим Лютером (например, «Наш Бог – непреступная крепость»). Хотя лютеране отвергают католическое учение о пресуществлении, согласно которому хлеб и вино святого причастия в действительности превращаются в плоть и кровь Иисуса, они утверждают, что при евхаристии на самом деле присутствует Иисус.

К реформатскому направлению принадлежат протестанты, разделяющие веру Жана Кальвина в абсолютное могущество Бога, полную греховность человека, а также в то, что каждому человеку еще до рождения уготована судьба попасть либо на небеса, либо в ад. Кальвинизм обрел форму в Шотландии, под влиянием ученика Кальвина Джона Нокса (1514–1572), однако самыми знаменитыми кальвинистами в истории стали пуритане, отправившиеся из Англии в Новую Англию в XVII веке и способствовавшие превращению кальвинизма в доминирующий религиозный импульс ранней колониальной Америки. К реформатским конфессиям относятся пресвитерианство и официальное протестантское направление Южной Кореи.

Англиканское сообщество составляют конфессии, появившиеся ввиду печально известного разрыва короля Генриха VIII (1491–1547) с Католической церковью в 1534 году – разрыва, вызванного, помимо прочих причин, решимостью Генриха не допустить, чтобы его брак с Екатериной Арагонской стал препятствием для брака с юной и пылкой Анной Болейн. К англиканским конфессиям относятся Англиканская церковь и Епископальная церковь (США). Традиционно занимающее прочное положение в Англии и бывших британских колониях, например, в Австралии, англиканское сообщество в настоящее время ведет особенно интенсивную деятельность в Африке, на родине более чем половины из 80 миллионов приверженцев Англиканской церкви, насчитывающихся в мире. Англикане, полагающие свой путь серединой между католичеством и протестантизмом, во многих отношениях близки к католикам. Свое духовенство они называют не «clergy», а «priests», отмечают дни святых и обычно по воскресеньям празднуют евхаристию. Англиканам мы обязаны молитвенником (*Book of Common Prayer*, 1549) и Библией короля Иакова (1611) – документами, тексты которых стали для современного английского языка тем же, чем произведения Данте для современного итальянского, то есть породили этот язык.

Слово «анабаптизм» буквально означает «перекрещение», однако анабаптистов характеризует скорее их отношение к войне и правительству, чем обычай креститься во взрослом возрасте. Амиши и меннониты относятся к анабаптистским «церквам мира», приверженцы которых настаивают на решительном отделении церкви от государства. Как меннониты, так и амиши стремятся вести простой образ жизни среди хаоса современности, отказываются воевать, многие предпочитают обрабатывать землю традиционными методами, не пользуясь такими современными удобствами, как автотранспорт и электричество.

Протестантская и католическая вселенная

Различия между протестантизмом и католичеством можно выявлять разными способами. Католики составляют «древнейший в мире непрерывно существующий международный институт», а протестанты – новички на этой арене¹⁴. У католиков есть папа римский и Ватикан, а у протестантов нет ни того, ни другого. Но ключевое различие между этими двумя группами – то, как каждая из них наполняет мир священной силой.

С точки зрения католиков, вселенная изобилует людьми и предметами, исполненными сакрального смысла. Можно достичь Бога, молясь святым, участвуя в уличных шествиях в дни религиозных праздников или совершая паломничество по одноименным церквям. Наиболее популярные святые, служащие примерами для подражания в католичестве, – святой Франциск Ассизский, основатель монашеского ордена францисканцев, искавший Бога среди бедных и в церкви солнца и неба; святой Иуда, покровитель безнадежных предприятий, и Дева Мария, которую католики славят в дни религиозных праздников Благовещения, Непорочного Зачатия и Успения, а молитва ей, *Ave Maria* («Радуйся, Мария»), ежеминутно звучит из уст миллионов католиков во всем мире (в том числе фанатов футбола в университете Нотр-Дам). Кроме того, католики достигают Бога посредством семи таинств, совершаемых священниками: крещения, конфирмации, исповеди, причащения, брака, рукоположения и соборования (еleosвящения). В католической мессе ключевым является момент, когда хлеб и вино евхаристии пресуществляются в тело и кровь Иисуса. Такие реликвии, как Туринская плащаница (считаемая погребальным саваном Иисуса) и тело святого Петра в одноименной базилике Ватикана, также непосредственно связаны с тайной божественного. То же самое относится и к Библии, но в данной традиции слово Божье полагается толковать согласно традициям и указаниям церковных властей. (В отличие от большинства протестантских Библий, католические Библии выходят с пояснениями и примечаниями). И наконец, у католиков есть папа, к особенностям власти которого с 1870 года относится непогрешимость – способность высказываться по вопросам вероучения и нравственности, не допуская ошибок.

Протестанты отвергают всю эту католическую вселенную со святыми и реликвиями как проявление суеверия. Образцами им служат простые «рыцари веры», которые, согласно датскому мыслителю Сёрену Кьеркегору, восходят к самому Аврааму. Разумеется, у протестантов есть кумиры, такие, как лидер борьбы за гражданские права Мартин Лютер Кинг-младший, а также немецкий деятель антинацистского сопротивления Дитрих Бонхёффер, однако протестанты не молятся им и не празднуют их дни. В сущности, они осуждают католиков за то, что их преданность Деве Марии (которую католики считают также непорочно зачатой) в некоторых случаях затмевает их преданность самому Иисусу. Вдобавок протестанты отвергают власть папы и обычно называют своих священнослужителей пасторами. Квакеры всецело отрицают таинства, однако большинство протестантов сводят семь таинств католичества к двум: крещению, обряду инициации, – зародившемуся в пустыне и обычно понимаемому как смерть и воскресение, при которых иницируемых очищают либо погружением в воду, либо сбрызгиванием водой, – и причастию, совместной трапезе из хлеба и вина (в некоторых случаях – виноградного сока), также называемой евхаристией, вечерней Господней и мессой, восходящей к Тайной вечери Иисуса и его апостолов накануне его казни на кресте.

Сегодня многие приверженцы христианства предпочитают считать себя просто христианами, а не пресвитерианами, методистами или даже католиками

Решающий момент в протестантских богослужениях наступает не тогда, когда прихожане делят хлеб и вино, а когда собранию читают Библию, а пастор (которым в этом случае может быть и женщина) толкует ее текст для слушателей. Итак, если католики могут приблизиться

к Богу посредством святых, реликвий, пап, священников, таинств и Библии, то протестанты обращаются к Богу без посредников и читают Библию под руководством одного только Бога, не стесненные властью папы и церковными традициями¹⁵.

Одно из следствий этих различий – меньше возможностей для кумиров женского пола в протестантской традиции. Католичество, не допускающее существования женщин-священников, часто критикуют за сексизм, однако именно католики наделили ангельскими крыльями женщин и дали миру женщин-святых, не в последнюю очередь саму Деву Марию. Протестанты подрезали эти крылья и разжаловали таких пророчиц, как святая Хильдегарда Бингенская, и таких мучениц, как святая Агнесса, в простые смертные. Несмотря на то, что протестантские мотивы согласуются с современными западными ценностями вроде свободы и равенства, половина нынешних христиан – католики.

Чуть больше трети (36 %) – протестанты, каждый восьмой (12 %) – православный¹⁶.

Но с каждым годом все меньше и меньше христиан отождествляет себя с подобными ярлыками. Теперь редко встретишь пресвитерианина, способного разьяснить учение Кальвина о предопределении, или приверженца Методистской церкви, которому под силу объяснить, что такое учение об освящении основателей Методистской церкви, Джона и Чарльза Уэсли. Со времен *aggiornamento* («обновления») Второго Ватиканского собора (1962–1965) католики сблизилась с протестантами по многим ключевым вопросам, не в последнюю очередь в своих представлениях о церкви как «народе Божиим», а не иерархии пап и епископов. В настоящее время многие крупнейшие церкви мира относятся к всерелигиозным, многие приверженцы христианства предпочитают считать себя просто христианами, а не пресвитерианами, методистами или даже католиками.

Мормонизм

Помимо всего прочего, христианство породило вереницу новых конфессий, не вписывающихся в три классические категории: католичество, протестантизм, православие. Многие из этих христиан, в том числе адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы и приверженцы христианской науки – продукты американской культуры. Успешнее всех прочих разбивает стереотипы еще одно детище Америки – Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (СПД), в настоящее время – одно из наиболее стремительно растущих религиозных движений мира.

Церковь СПД возникла на севере Нью-Йорка в начале XIX века, когда Евангелическая церковь переживала ряд событий, связанных с возрождением (ривайвелизмом), в дальнейшем получивших название «Второго великого пробуждения». Растерявшийся в этом хаосе юный Джозеф Смит-младший (1805–1844) был охвачен боязнью загробного существования – боязнью того рода, которая побудила Мартина Лютера отрицать католические таинства как сделку с целью спасения души. Смит-младший тоже обратился за помощью к Богу, только задавался иным вопросом: какая из многочисленных протестантских конфессий является истинной? Насколько известно, Бог ответил, что таковых нет. Вскоре после этого ангел по имени Мороний известил Смита о золотых табличках или листах, зарытых в V веке на холме неподалеку от его дома. Смит вырыл эти листы, с помощью двух «провидческих камней» перевел их тексты с «усовершенствованного египетского» языка на английский и опубликовал результаты в 1830 году в виде «Книги Мормона». В этой книге Иисус после воскресения отправляется в Новый Свет и перед вознесением успевает посеять семена своей истинной церкви в американскую почву.

У мормонов, как ныне принято коротко называть приверженцев церкви СПД, немало общего с другими протестантами, однако таковыми они себя не считают, а многие протестанты в ответ отказываются признавать мормонов христианами. Если мормоны заявляют о своей *bona fide*, демонстрируя любовь к Иисусу, многие возродившиеся в вере христиане (в полном соответствии с христианской поглощенностью учением) утверждают, что мормонизм слишком заметно отклонился от традиционных христианских догм, чтобы считаться христианским течением. К примеру, мормоны часто повторяют, что у Бога есть тело и что люди способны становиться божествами. Как минимум до 90-х годов XIX века они расценивали описанную в Ветхом Завете полигамию и теократию как разрешение действовать таким же образом. Мормоны относятся к Библии («если ее перевод верен»), как к слову Божьему, но признают священными писаниями еще три внебиблейские книги: «Книгу Мормона», «Драгоценную жемчужину» и «Учение и заветы». И наконец, мормоны верят в непрерывность откровения, что дает возможность их руководителям менять убеждения и практику посредством пророчеств.

Мормоны, гонимые отовсюду с самого появления, напоминают о том, что свобода вероисповедания – скорее надежда, чем реальность даже в США. В ответ на нетерпимость и враждебность окружающих мормоны перебрались на запад, из Нью-Йорка в Огайо и Миссури, прежде чем обосновались в Иллинойсе. Там Смита арестовали и посадили в тюрьму, где в 1844 году он был убит во время погрома. Под руководством «американского Моисея» Бригама Янга (1801–1877) мормоны переселились в Солт-Лейк-Сити, штат Юта, где живут по сей день. Долгое время американцы видели в мормонах опасных чужаков, но в настоящее время широко распространено представление о мормонах как о типичнейших американцах. Самая популярная американская писательница начала XXI века, Стефани Мейер, автор саги «Сумерки», исповедует мормонизм. Герои телесериала «Большая любовь»

(*Big Love*) канала HBO – семья мормонов. Представители СПД, например победитель конкурса талантов *American Idol* Дэвид Арчулета, так часто фигурируют в реалити-шоу, что критики уже начинают сетовать на «колонизацию реального телевидения» мормонами¹⁷. Тем

не менее большая часть 14 миллионов приверженцев церкви СПД в настоящее время живет за пределами США, примерно треть называет домом Латинскую Америку – поразительное достижение, при том что кодекс питания мормонов («Слово мудрости») запрещает употребление кофе¹⁸.

Век евангеличества

Следующим после Реформации знаменательным событием в истории христианства стало возвышение евангеличества в XIX веке и быстрая евангелизация территории, в дальнейшем известной как христианский Запад. В 1822 году президент США Томас Джефферсон предсказывал, что Соединенные Штаты захлестнет унитарянство – христианское течение, приверженцы которого отрицают Троицу и чтят Иисуса как великого, но лишённого божественности нравственного наставника¹⁹. Он ошибся. Эту задачу взяли на себя представители Евангелической церкви, вставшие таким образом на путь христианизации и США, и всего мира в «век евангеличества».

Историк Дэвид Беббингтон называл в качестве определяющих для евангеличества четыре черты: «библицизм» (внимание к Библии как богодухновенному слову); «крюцицентризм» (акцент на искупительной смерти Иисуса на кресте); «конверсионизм» (акцент на опыте «возрождения») и «активизм» (акцент на проповедовании и осуществлении Евангелия)²⁰. В начале XIX века эти характеристики слились воедино, породив движение. Благодаря масштабному религиозному возрождению в США и Англии, а также героическим усилиям методистских «разъездных священников» и баптистов, проповедующих фермерам, миссионерская деятельность стремительно меняла Англо-Америку, евангеличество становилось преобладающим религиозным импульсом в протестантском мире.

Христианство – миссионерская религия. В отличие от иудеев и индуистов, обычно не стремящихся обратить кого-либо в свою веру, христиане сразу вняли Великому поручению Иисуса – «идите, научите все народы» (Мф 28:29, по Новой международной версии, NIV). Христианство начиналось как движение иудейских реформаторов. Иисус был иудеем, как и его апостолы, утверждавшие, что он и есть Мессия, которого давно ожидали евреи. Но Павел, обратившийся из иудаизма в христианство, решил проповедовать весть о грехе и спасении в равной мере «и эллинам, и иудеям». Он считал, что для обращения в христианство вовсе незначительно прежде становиться иудеем. Христианам не требуется исполнять обряд обрезания, христианским семьям позволительно есть свинину. Так у христианского движения появились форпосты среди грекоязычного населения мест, известных из библейских посланий Павла – Коринфа, Галатии, Ефеса, Филипп, Колосс и Фес-салоник.

В XIX веке христианство таким же образом двинулось навстречу англоязычному населению, распространяясь еще быстрее, чем в первые века своего существования. В 1800 году христиане составляли менее четверти (23 %) населения планеты. К 1900 году их численность выросла до более чем трети (34 %). Наиболее резкий рост наблюдался в Северной Америке, где за период с 1815 по 1915 год общая численность христиан увеличилась в десять раз. При этом доля христиан в общей численности населения США выросла с примерно 25 % до 40 %. В Канаде прогресс христианства был еще значительнее: с примерно одной пятой населения до примерно половины²¹.

Христианство начиналось как движение иудейских реформаторов. Иисус был иудеем, как и его апостолы, утверждавшие, что он и есть Мессия, которого давно ожидали евреи

Однако евангеличество не просто изменило количество христиан: оно изменило качество христианства. По мере того, как евангеличество расширяло сферу своего влияния, впечатления и эмоции попирали учение и интеллект. Несмотря на то, что все больше христиан относились к Библии как к богодухновенному слову, все меньше их проявляло интерес к изучению того, что именно сказал Бог. Анти-интеллектуалы, например представитель методистского возрождения Питер Картрайт и «евангелический бейсболист» Билли Санди, брали пример своим

доморощенным невежеством; христиане, подобно Страшиле, принимали веру сердцем, а не мозгом. Если позитивизм был, по словам французского философа

Огюста Конта, «восстанием разума против сердца»²², то евангеличество стало восстанием сердца против разума.

Евангеличество часто путают с фундаментализмом, но хотя оба они уделяют особое внимание обращению в веру и отстаивают «семейные ценности», на самом деле это совершенно разные направления. Хотя приверженцы обоих движений называют Библию «словом Божиим», евангелические христиане говорят скорее о ее богодухновенности, чем о непогрешимости, поэтому не поддерживают фундаменталистов в стремлении читать ее как учебник геологии или истории. Историк Джордж Марсден дал фундаменталистам широко известное определение – «евангелические христиане, которые на что-то злятся», а предмет недовольства фундаменталистов – современность²³. Евангелические христиане более расположены к современности, не так настойчивы и крикливы. Они одними из первых находят оригинальное применение многим новинкам коммуникационных технологий – от радио и телевидения до интернета.

Сегодня евангеличество занимает видное положение в *InterVarsity Christian Fellowship*, *World Vision* и других волонтерских ассоциациях, пренебрегающих прежними конфессиональными границами. В США евангеличество привычно ассоциируется с такими деятелями движения за свободу вероисповедания, как Джеймс Добсон, основатель организации *Focus on the Family* («В фокусе – семья»), однако американские евангелические христиане XIX века были сторонниками прогресса в политике, возглавляли движение за отмену рабства и за предоставление права голоса женщинам. В наше время типичный евангелический христианин в США выступает против абортот и однополых браков, но склоняется к центристским и даже левым взглядам по многим другим общественно-политическим вопросам, в том числе проблемам нищеты и охраны окружающей среды. Наиболее красноречиво евангелических левых представляет Джим Уоллис, возглавляющий общину *Sojourners* в Вашингтоне, округ Колумбия, со времен ее основания в начале 70-х годов XX века.

Век пятидесятничества

Если христианство XIX века было евангелическим, то в XX веке оно принадлежало пятидесятничеству – исполненной Святого Духа вере, которая в последние десятилетия направила христианский корабль от греко-римского Запада в южном и восточном направлении. Христианство продолжает считаться белым и западным, так как еще в 1900 году

Характерная особенность пятидесятничества – крещение Святым Духом, дополнительная благодать после обращения в веру, часто сопровождающаяся экстатическим говорением на неизвестных языках

чуть меньше 80 % христиан всего мира составляли европеоиды и чуть больше 80 % проживало в Европе и Северной Америке²⁴. Так что когда писатель-католик Хилэр Беллок писал в 1920 году, что «церковь – это Европа, а Европа – это церковь», он был, в общем-то, прав²⁵. Но периодически в XX веке центр тяжести христианства перемещался на другой берег Гибралтарского пролива, из Испании в Северную Африку²⁶. Во многом эти миграции объясняются пятидесятничеством, зародившимся в Америке, но к настоящему времени прочно обосновавшимся в Африке, Латинской Америке и Азии.

Лет десять назад я предположил, что в американской религии, по-видимому, происходит смещение от трансцендентности к имманентности – от колониальной эпохи Бога Отца к викторианской эпохе Бога Сына и новой эре Бога Святого Духа. Сегодня такой же сдвиг наблюдается во всем мире. Благодаря пятидесятничеству, божественное уже не «где-то там», а «прямо здесь», и Святой Дух наконец удостоился заслуженного внимания.

Порождение Движения святости в протестантской конфессии методистов, пятидесятничество получило название по одному из преданий новозаветной книги Деяния святых Апостолов, в которой Дух Святой после смерти Иисуса нисходит на апостолов во время иудейского праздника Пятидесятницы. При этом «исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках» (Деян 2:4, по Новой международной версии, NIV). Характерная особенность пятидесятничества – крещение Святым Духом, дополнительная благодать после обращения в веру, часто сопровождающаяся экстатическим говорением на неизвестных языках, или глоссолалией. Богослужения пятидесятников способствуют свободе проявления «даров Духа», таких, как «говорение на языках», пророчествование, исцеление верой, а священники-пятидесятники знают, как поэффектнее представить все перечисленное. Президент США Авраам Линкольн однажды заметил: когда он наблюдает за проповедником, ему нравится «видеть, как он словно отмахивается от пчел»²⁷. В пятидесятничестве насчитывается немало проповедников, воюющих с пчелами.

Как и фундаментализм, с которым его часто путают, пятидесятничество – изобретение XX века. В отличие от фундаментализма, ставящего на первое место учение, пятидесятничество делает упор на опыт и впечатления, настаивая (вопреки яростным возражениям фундаменталистов), что чудеса, творившиеся в ранней церкви и описанные в книге Деяния, по-прежнему доступны людям веры. Кроме того, пятидесятники допускают непосредственное общение с Богом, а фундаменталисты и прочие сторонники авторитета Библии считают этот вопрос по меньшей мере щекотливым.

Характерные приметы пятидесятничества появились в разных уголках планеты – в Уэльсе, Корее, Индии, – еще в первые годы XX века, а в 1900 году стали очевидными в Канзасе. Но истоки пятидесятничества обычно прослеживают до апреля 1906 года в маленькой негритянской церкви на Азуза-стрит в Лос-Анджелесе. Во время пробуждений представителей разных народов под руководством одноглазого чернокожего проповедника Уильяма Джо-

зефа Сеймура (1870–1922) христиане молились, пели и говорили на языках, которых не знали. Многие сочли, что «дары Духа» на Азуза-стрит – свидетельство тому, что наступают «последние времена», когда Бог пообещал излить «от Духа Моего на всякую плоть» (Деян 2:17, по исправленной стандартной версии, RSV) – особенно убедительными их доводы стали после того, как в разгар этого бедлама разразилось землетрясение в Сан-Франциско. «Пробуждение на Азуза-стрит», как теперь называют эти события, годами продолжало свидетельствовать о присутствии священной силы, которую в религии йоруба называют «аше». Отчасти благодаря статьям в газете *Los Angeles Times*, в которых происходящее осуждалось как «дикое вавилонское столпотворение», посетители съезжались на Азуза-стрит со всей территории США и со всего мира, а затем уезжали, увозя с собой вести о новой форме христианского поклонения²⁸.

С 70-х годов XX века пятидесятничество переживает бум в оплоте католичества, Латинской Америке; многие латиноамериканцы в США перешли из католических церквей в пятидесятнические. Пятидесятничество прижилось даже в наиболее светских сообществах мира. Во время недавней поездки в Торонто я узнал об одном тамошнем профессоре, изучающем шведское пятидесятничество. Поначалу я счел услышанное шуткой. «И сколько человек он изучает? – спросил я. – Пятерых?» Однако пятидесятничество действительно живет и процветает не где-нибудь, а в Швеции. Филадельфийская церковь в Стокгольме, первое собрание пятидесятников в Швеции, до 60-х годов XX века была крупнейшей пятидесятнической церковью мира. Церковь Слова жизни в соседней Упсале гордится самой большой в Европе школой изучения Библии.

Пятидесятничество породило такие конфессии, как Ассамблеи Бога (основаны в 1914 году) и Международная церковь четырех Евангелий «сестры Эйми», Сэмпл Макферсон (основана в 1927 году). Проявлением его институциональности стал Оклахомский университет Орала Робертса (основан в 1965 году), а также появление в США телевизионных проповедников Джима и Тамми Баккер, Джимми Сваггарта и Пэта Робертсона. Духом пятидесятничества полнятся многочисленные внецерковные общины, а также Харизматическое движение, зарядившее энергией Католическую, Епископальную и Лютеранскую церковь после Второй мировой войны.

Зародившись на скромной Азуза-стрит в 1906 году, пятидесятничество со временем стало одним из наиболее быстро развивающихся христианских движений, отчасти потому, что, подобно раннему христианству, оно неудержимо притягивает бесправных и неимущих. Сегодня более четверти христиан мира (приблизительно шестьсот миллионов человек) – пятидесятники или харизматы: неплохой результат для традиции, которой в начале XX века вообще не существовало²⁹. Пятидесятники и харизматы составляют примерно половину христиан Бразилии³⁰. Пятидесятничество популярно как в США, так и в Гватемале, где сменилось уже два президента-пятидесятника. Позиции пятидесятничества сильны и в Нигерии, на Филиппинах, в Китае, Чили, Гане, Южной Африке и Южной Корее.

Один из секретов успеха пятидесятничества заключается в его способности обращаться к самым разным проблемам – как приземленным, так и не от мира сего. Еще один секрет – умение находиться одновременно и в практическом настоящем, и в библейском прошлом³¹. Подобно евангелическим христианам и фундаменталистам, пятидесятники считают Библию богодухновенным словом Божиим, с упоением распространяют Евангелие и отражают вызов, брошенный смертью, проповедями о вере в Иисуса как пути к спасению. Но пятидесятники не оставляют без внимания и проблему процветания человека, обещая здоровье и обеспеченность здесь и сейчас. В частности, в странах Третьего мира они предлагают спасение от демонов и колдунов, а их строгие правила, касающиеся спиртных напитков, азартных игр и беспорядочных половых связей, уже изменили жизнь многих женщин во всем мире и способствовали увеличению свободных средств в карманах семей пятидесятников.

Для пятидесятничества опыт – основа существования: опыт вмещения внушающей благоговейный трепет силы Божьей

Пятидесятничество критиковали за эскапизм, в большинстве стран он продолжает ассоциироваться скорее с «евангелием преуспевания» (обращенным к нам призывом Иисуса становиться богатыми), чем с «социальным евангелием» (призывом Иисуса помогать бедным). В Латинской Америке быстрее всех прочих конфессий развивается Вселенская церковь Царства Божьего, центром которой является Бразилия. Эта церковь, также активная в США и Великобритании, проповедует богословие «просите – и дано вам будет», побуждающее верующих молиться не только о спасении души, но и о том, чтобы возле их домов появились их собственные автомобили.

Несмотря на то, что почти все пятидесятники в США разделяют мнение республиканцев по таким интимным вопросам, как гомосексуализм, секс до брака и аборт, по многим другим социальным и политическим проблемам многие склоняются на сторону демократов. В Бразилии пятидесятники тяготеют к «левоцентристам»³². В Венесуэле они благосклонны к президенту-социалисту Уго Чавесу³³. Вдохновленные словами Иисуса о нищих как «блаженных» (Лк 6:20), «прогрессивные пятидесятники» во всем мире борются с наркоманией, предоставляют приют бездомным, кормят голодных, обеспечивают персоналом детские сады и ясли, консультируют наркозависимых, ведут борьбу с эпидемией СПИДа и проводят политику микрофинансирования предпринимателей³⁴.

Пятидесятники давно признали за женщинами право быть священниками – право, в котором Католическая и Православная церкви отказывают женщинам до сих пор. Честь рукоположения женщин-священников приписывают преимущественно либеральным протестантским течениям, таким, как Епископальная церковь, которая возвела Барбару Харрис в сан епископа в Массачусетсе в 1989 году, а в 2006 году избрала своим национальным лидером Кэтрин Джеффертс Шори. Но у пятидесятников с самого начала существовали проповедники-женщины.

Небывалое возвышение этой традиции обездоленных обладает многими отличительными признаками второй Реформации. Если Мартин Лютер избавил христиан от того, что для многих стало тиранией добросовестной работы, то пятидесятничество освободило их от тирании веры, которая после Просвещения выполняла для многих роль смирительной рубашки. Один из моих самых сообразительных и восприимчивых магистрантов был пятидесятником. На семинаре по великим мыслителям, относящемуся к курсу религиоведения, он неоднократно удивлял меня, соглашаясь со многими положениями теорий Эмиля Дюркгейма, Зигмунда Фрейда и других. Когда я наконец выразил удивление непредвзятостью, с которой он воспринимал критику традиционных христианских учений, он объяснил, что его вера не подразумевает упорства в своих убеждениях. Вместо этого она опирается на яркий личный опыт, отрицать который невозможно. Еще одна моя знакомая перед самым призывом к алтарю в негритянской церкви на американском Юге призналась проповеднику, что в действительности не верит в Иисуса. «Не волнуйтесь, – ответил тот, – еще уверуете». Этот проповедник сумел ободрить прихожанку, потому что в его собрании опыт означал больше, чем вероучение. А для пятидесятничества опыт – основа существования: опыт вмещения внушающей благоговейный трепет силы Божьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.